

84/06 К
0-23

ОБРАЗ

Литературный альманах
Ленинск–Кузнецкий
2018

№3(19) 2018г.

мел. 7-31-45

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Колич. пред. выдач. _____

2543-
5.01

84Р6К
0-23

«ОБРАЗ»
литературный альманах
№3(19) 2018г.

Ленинск-Кузнецкий
2018

БК 023

102633(1)

Автор проекта: Дмитрий Филиппенко
Сборник литературных произведений. –
Ленинск-Кузнецкий: Литературный альманах «Образ» –
Омск: Синяя Птица, 2018. – 94 с.

Справки по e-mail: dimoet@yandex.ru
© Дмитрий Филиппенко 2018
© Сборник литературных произведений, 2018
© Литературный альманах «Образ», 2018.
© Отпечатано ООО «Синяя Птица», 2018

РФ Ленинская обл.
г. Ленинск-Кузнецкий
МБУК ЦБС им. Н.К.Крупской

ЦБС
г. Ленинск-Кузнецкий
Отдел обслуживания читателей
АВОН

ПОДАРОК

Содержание:

Поэзия

Сергей Гонцов	3
Юлия Белохвостова.....	9
Алексей Грякалов.....	14
Марина Анашкевич.....	37
Александр Дашко	42
Майка Лунёвская	46
Владимир Столбов	58
Карина Кислицина	63
Владимир Полухин	68
Екатерина Новикова.....	77
Ахмед Абдулаев	83
Екатерина Юркова	88

Проза

Лев Григорян.....	18
Вероника Шелленберг	50
Павел Пономарёв.....	72

Сергей Гонцов родился в Западной Сибири, на озере Большое Белое. Учился: Уральский государственный университет;

Литературный институт имени Горького. Публиковался в России и за рубежом.

Лауреат российских литературных премий (Тютчевской, имени братьев Киреевских, Горьковской). Живёт в Москве.

Сергей Гонцов
г. Москва

Дух-предводитель

Ты заметил, что время летит
Как Стрела из пучин Зодиака.
Это взгляд твой вернулся из мрака,
Чтоб стал свет. И холмы шевелит.

Нас не спросят, но древнее зло
Не само по себе растворится.
Кто-то адское сдвинул жерло —
Ад разрушен, и многое зрится.

Первым Кто-то сказал наугад:
Мы живём на античных руинах,
И теперь он великий собрат,
Повелитель мелодий старинных

И пастух несравненных камней,
За проломом невиданной сферы.
Как нам быть? Из долины теней,
Из Вселенной в обличье Химеры

Мы явились туда, где нас ждут.
Как поднявшись чудом из бездны.
Тут мы сами, и встретимся тут, –
На старинной дороге железной.

Вот Обходчик бредёт путевой,
Между Марсом и яркой Венерой,
Между мыслью чудесной и верой
В бездне времени, – заново свой.....

Стрелы печали

Земной разлукой отягченный,
О дух степей, ты небом дан,
Как сказочный, зелено-черный,
Набитый стрелами колчан.

И темной дуговинной лука
Простор нечаянный земной
Везде, как радость или мука,
Царит над повестью степной.

Земля и небо, всё едино,
Но я внезапно видеть мог -
Шумит иная половина,
И проявляется Стрелок.

Его таинственные стрелы
Земли не знают и небес,
И он, раздвинувший пределы,
Не ангел светлый, и не бес.

С землей нечаянное сходство
Его не трогает ничуть,
Но безысходное сиротство
Его и мой равняют путь.

Откуда он, один, без свиты,
Огня и мрака господин,
Оттуда я, веселый с виду,
Послушливый и вольный сын.

Мы разошлись, простив друг друга,
Всяк знает путь, что тайной дан, —
Но я... Я чую тяжесть Лука
И полный стрелами Колчан.

Надежды кончились пустые.
Осталось зрелище ума,
Земные тяготы святые
И многоопытная тьма...

Одиночество, ты непогода,
И останься таким,
Даже царственным временем года,
Безысходно-нагим.

Шумных ливней столпы удалые,
Первой зелени свод,
И грядущие дни, и былые
Взял твой мощный народ.

Дуб-подросток и камень надгробья,
И дорожный кремень.
И всемирной заботы подобья, —
Хата, кладезь, плетень.

Тут зачеркнуто время, как слово,
И другое взамен
Кто-то чертит, чтоб варварский плен
Не устроился снова...

Из ямы тёмной, мелодической,
Вот как начертан прошлый век,
Куда пойдешь? Да на побег
Дар убежденья серафический
Воздвиг бы мёртвых, а раз так,
Всё совершилось без помарок
Из ямы в совершенный мрак,
Но чудный, вольный, как подарок,
Ты угодил, как тот, кто в силах
Другой природы свет узреть,
И холод, что струился в жилах -
Но вот как пламя рассмотреть...

То люди Севера, ступая
По жилам царственного льда,
Их горсть достойная, скупая,
Бредут неведомо куда.
Тут Бог и необъятно рядом,
Не поцелуем мерзлоты
Приходит Он, не снежным адом,
В котором чудом выжил ты,
А чем? Да хоть оленьим стадом,
Тут область новой красоты,
Тут льдом, огнём её черты
Укреплены, вселенским ладом

Камена, рифма, баллада

В ночь воровскую настоящую,
Как именован этот век,
Встречал ты деву проходящую,
Чтоб с ней подняться на вочлег.

Куда пойдёшь? По узкой лестнице
Куда-то вверх, чтоб посреди
Понять, что толку в этой вестнице
Нет, разве где-то впереди.

Но ты наткнулся на открытие.
Что, не имея паранджи,
Она таила, как событие,
Лицо, исполненное лжи.

Но вот, одетая в рыдание,
На чудной лестнице, во мгле,
Остановилась, как предание,
Каких без счёта на земле.

А ранить ведь могла кинжалом
Иль друга кликнуть, чтоб пистоль
Наставил на тебя, как жало —
Да, ты предвидел эту роль...

Высокий лес прозрачней за рекой,
Протяжный вздох бегущего потока,
В дубах и соснах древняя дорога
Начертана светящейся рукой.

Два берега на всякой стороне,
И мощное незримо сочетание,

Но здесь и там благоухает мне
Великое, рассказанное втайне.

Золотой рожок

Кто тут рыдает? Да это метель
Крутится связкой мелодий,
Прялка роскошная и колыбель
Звёздных январских угодий.

Это Андроников монастырь,
Слёзы из Средневековья,
Сжатая мыслью великая ширь,
Камень другого зимовья.

Тут наособицу крутится снег,
Точно Очаг где-то рядом -
Так пресекается времени бег
Новым привольем и ладом.

Где тут Андрея Рублёва очаг?
Нет, Он бредёт за пределом,
Что ему здесь? А божественный мрак –
Белым начертан на белом.

Юлия Белохвостова - поэт, филолог. Член союза писателей Москвы. Родилась в Евпатории. Живет в Москве. Окончила МГУ им. Ломоносова, филологический факультет, специализация – древнерусская литература. Публиковалась в журналах «Плавучий мост», «Интерпоэзия», «Кольцо А», «Аврора», «Крещатик», «Книголюб», «Литературной газете», «НГ Экслибрис». Автор двух поэтических сборников.

Юлия Белохвостова
г. Москва

Это близко

Это близко, близко, разве это даль?
Это будет быстро – выстрел и обратно -
праздновать победу, получать медаль,
заменять по дому и отца, и брата.

Отпустила б, мама, сына на войну –
ну, как этой бойни на него не хватит?
Он в бою не сгинет, не сгинет в плену,
по весне вернется ладить крышу в хате.

Что с того, что молод? Добрый военком
пару лет по дружбе с их отцом прибавит.
Как прикроет землю жиденьким снежком –
так и выйдет время подвигам и славе.

Это будет долго - ждать другой войны,
ни шинели новой, ни крупы перловой,

только в комарином звоне тишины
привкуса металла чувствуется вдоволь.

Вдоль забора чахнет дикий виноград,
стало поле синим от цветов люпина.
Стинул где-то в поле и отец, и брат,
не пускай за ними, мать, меньшого сына.

Копи сегодняшнюю грусть,
и ноты музыки весенней
учи прилежно наизусть
для предстоящих вдохновений.

Для дней безветренно-сухих,
когда умеренное счастье
не принесёт в бессильный стих
ни звука чистого, ни страсти.

Баюкай бережно печаль,
гляди поверх голов и выше
и в небе синем примечай
какой-то птицы след простывший,

оранжевый воздушный шар,
созревший на вишнёвой ветке,
заката позднего пожар
в такой же огненной расцветке,

и облака над головой
вполне литературный профиль.
Все пахнет прелюю листвой,
намокшим деревом и кофе,

и снегом, выместившим зло
на первое цветенье мая.

И ты скучаешь за столом,
все это впрок запоминая.

Балаганная жизнь

Что дают сегодня в балагане,
что так бурно веселит народ?
Мой Петрушка в разноцветной рвани
вслед за мною открывает рот,
и поёт, и пляшет, и рыдает
над своей всамделишной судьбой,
и уже без разницы – куда я
этой ночью попаду с тобой.
Пропаду народу на потеху –
для того и жизнь была дана,
чтобы так – прилюдно, ради смеха –
разбазарить всю её, до дна.
Не взыщите, не судите строго
за топорность рыночных острог –
на роду, видать, у скомороха
равнодушный веселит народ.
Что дают сегодня в балагане?
Ничего не ново под луной:
веселится кто-то полупьяный
над своей всамделишной судьбой.

Мои обиды

Мои обиды - ловкие швеи,
Таких узоров мне навывшивают,
Что я, от их красот едва живая,
Глотаю иглы колких слов твоих
И ничего не говорю в ответ:
Пришит язык обидой горькой к нёбу,
Ответь-ка тут хоть что-нибудь, попробуй,
Когда слезами застит белый свет.

А им - раздолье: тянут из меня
Обрывки мыслей, разноцветных ниток,
Уже забытых, кажется, обидок,
Воспоминаний прожитого дня,
Вдевают их в игольное ушко
Воткнувшегося прямо в сердце слова,
И вот уже узор придуман новый -
Стежок ложится ровно за стежком.

Тихое слово

И выдохнула слово тихое,
ни гнева, ни обиды в нем,
ни соразмерности с шумихою
дверей, захлопнувшихся в дом.

Но окна плотно занавешены,
никто теперь не разберёт
ни силуэт любимой женщины,
ни рук её напевный взлёт.

Дожди взялись за настоящее,
едва о прошлом загрузив,
и это слово шелестящее
поют на простенький мотив,

вбивают капли в подоконники,
полощут чистое белье,
и головой качают слоники
на полке в комнате её.

Он списывает эти шорохи
на складки мокрого плаща,
не различая в общем ворохе
произнесённого "прощай"

Никаких намеков

Никаких намеков на печаль,
сердце в ком предчувствием не сжато.
Ни дождя, ни ветра, ни утраты
этот день с утра не обещал.

Пропуская солнце сквозь листву,
тополя вязали тень ажуром.
Не было ни пасмурным, ни хмурым
небо, набирая высоту.

Птицы не кончали свой галдеж,
ни одна не залетала в окна.
Этим утром было невдомек нам,
что сегодня ты от нас уйдешь.

И никого другого кроме

По набережной опустевшей
пустой стакан летит вприпрыжку.
Там конного обгонит пеший,
не прибавляя шага слишком.

Там ветер рыщет, сатанея
от бесполезности запрета,
и только море солонее
слезы пролитой и пропетой.

И только тот, кто выжил в шторме,
кто вынырнул из перебранок,
и никого другого кроме
на набережной спозаранок.

Алексей Грякалов. Философ, писатель, поэт. Родился в 1948 году в селе Красносёловка Воронежской области (Верхний Дон). Окончил философский факультет ЛГУ.

Доктор философских наук.

Автор монографий: «Структурализм в эстетике» (1989), «Эстетизм и логос» (2000), «Письмо и событие» (2007), посвященных исследованию отношений авангардного эстетического опыта и философской рефлексии XX века. Как прозаик печатается в литературных журналах с середины восьмидесятых годов. Член Союза писателей России.

Алексей Грякалов
г. Москва

Среди всех

Зачем шило в мешке таить,
Если истлел мешок,
Зачем воду горшком ловить,
Если дыряв горшок:
Выпало шило на рыжий дерн,
Водича вслед пролилась —
Вырастет шкворень, тяжел и чёрн,
Выпил водичи всласть,
Льется и льется из дырок в дне
Водича из родника,
Вот уж растут на железном пне
Четыре желтых цветка:
Один в апреле первым на свет,
Другой летом — в луга,
Третий осени серой в ответ,
Четвертый сухой — в снега.
Вот и живут в одной судьбе
Железо, вода и цвет —

Встретились вместе - куда гольтьбе? —
И попутчиков нет.

Охота

Аист крылья раскинул —
Злой охотник убил...
Я бы тебя покинул,
Если бы не любил.
Капли крови на крыльях,
Мелкой дробы следы,
Аист в осенних былях
Не ожидал беды.
Охотник, смерти работник —
Грубая тень меж крыл —
Зачем живую заботу
Кучей дробы накрыл?
Леса редеют сети —
Август спешит успеть,
Охотник, на белом свете
Зачем тебе птичья смерть?
Молча вдыхает запах —
Порох и падевый мед —
Влажно роса на лапах,
Может, он оживет?
Всем чужой однорукий,
Брошенный всеми в лад,
Выстрелил в птицу от скуки —
Сам пред собой виноват.
Я бы от этакой скуки
Аиста-друга убил
И на себя поднял руки,
Если бы не любил.

Полдень

Затеплить лампаду за левым плечом
И в полдень-припадок упасть — горячо
Слова догоняют под ветер с берез,
Невидимый ангел слезы принес.

Не выплакал слезы вчерашней грозы —
Обломанных веток следы на дороге
И острые рожки глазастой козы
Следят за прохожими — эти тревоги

Природы громовой и теплых сосцов
В траве придорожной ужонком свернулись
И тучей темной полночно вернулись,
Чтоб с луга прогнать огорченных косцов.

Идут, на плечах косовицы следы,
Темнеющих пятен разводы на крыльях,
Косы лезвиё, как предвестье беды,
Сверкнет, отражаясь в росинках на «быльях».

И отблески все — и косы, и росы,
И след молока на сухом молочае,
И поступь неровную близкой грозы -
Лампада в мерцающем свете встречает.

Стрека

А как же мне: «Избави от скорбей...» —
И с чем останусь, скорбию покинут?
Стынет изба — в прошелья мох забей,
До срока в марте плод коровий скинут,
Но можно жить: где плотник, там и мох,
Пора придет, дубовый сруб устроен —

Если б не клин, не мох — и плотник сдох
В житейском слове мир природно скроен.

А в пламени лампы за спиной
Огонь другой, что случая не знает,
И все равно — со мной иль не со мной
Живет и светит, не сгорая, тает.

Я с тобой

Ты не закрываешь глаза
При моем прикосновении,
Будто схвачены во мгновении,
Они смотрят назад.
И там все видимо-ведомо,
Петух и собака, и кот,
И даже житейская ведьма
Признанья полуночно ждет,
Там кони по степи кочуют
И пес безымянный скулит;
Природную названность чуя,
Бесок закружился в пыли.
А без твоего разговора
И без потрясенья в строке -
Ни гостя, ни жертвы, ни вора
Следов на прибрежном песке.
И пойманных грозно, любовно,
Ты бережно держишь в словах,
Вживаясь в словесное лоно,
Пыльцу сохраняя в крылах.

Григорян Лев Арменович,
1980 г.р.
Рассказы, сказки и стихи
публиковались в журналах
«Дарьял», «Веси», «Огни
Кузбасса», «Молоко», «Наша
улица», альманахах «Атланты»,
«Подсолнушек», «Восхождение»,
«Новый Континент», сборниках
издательства «Бёркхаус» и др.

Лев Григорян
г. Москва

Посвящается Анне Ивановне и Льву Николаевичу Фёдоровым

Алое знамя Тальянцевой Веры

Начало см. в №2 за 2018 год

Но по-настоящему сдружились мы позже, все трое: Лёнька – дед твой, Вера и я. Сблизило нас происшествие с пакетом из ГорОНО. И этот же случай сделал Веру в классе изгоем.

Был один хулиганистый малый, всё к Вере цеплялся. Не только к ней, вообще девчонок дразнил, за косы дёргал. Пинка мог дать ни за что.

— Федька Граев? – перебил я бабушку. – Тот, что в первый день Веру буржуйкой обозвал?

Бабушка покачала головой.

— Нет, Федька хороший был парень. Идеальный просто сверх меры. В войну стал комсоргом, фронтовых медалей заслужил, знаешь, сколько? А того хулигана Юркой Прошным звали. Он задира был, но трусливый: над девчатами насмеяться любил, а к парням не совался, боялся сдачи.

102633 (1)

Его и в пионеры долго брать не хотели. Взяли лишь потому, что отец его настоящим стахановцем был, на заводе рекорды по выдаче ставил. Ну и Юру из класса в класс тянули, хоть учился он с двойки на тройку, прогуливал много.

Веру он с первых дней невзлюбил. Я своими глазами не видела, но рассказывали такую историю. На перемене шла Вера по коридору. Юрка сзади подкрался и — хлоп её по затылку учебником! Привык, что девчонки обычно робеют — кто в слёзы, кто в ругань, но сделать ничего не могут. Ну а Вера развернулась и как даст ему кулаком прямо в зубы. Юрка так и сел.

— Мало? — говорит Вера. — Смотри, добавлю, — и своей дорогой пошла как ни в чём не бывало.

Видно, Юрка это дело запомнил. Рук с ней больше не распускал, предпочитал дразнить издали. Впрочем, Вера на него ноль внимания. Ничто её не брало. Как он её только не обзывал: и фифой, и пигалицей, и немкой заезжей, и словами, которых мы тогда даже не знали. А однажды углядел у Веры на шее цепочку — и слух пустил, будто она католичка. Якобы у неё на цепочке крестик прицеплен религиозный.

Вера и вправду всегда с цепочкой ходила. Но что там — крестик, не крестик, или медальон какой, или просто украшение — разве узнаешь? Под одеждой не видно. Чтобы Вера крестилась прилюдно, молитвы шептала — никто такого не замечал. Но молва укрепилась. Стали многие на неё смотреть косо. Завезла, мол, предрассудки из-за границы: религию тогда пережитком считали.

Дошло до того, что на совете отряда вопрос поставили: объяснись, пионерка ты или верующая? Нельзя на двух стульях сидеть. Покажи, в конце концов, что у тебя там, на цепочке?

Вера им — наотрез:

— В церковь я не хожу, а цепочка — дело моё. Никого не касается.

Ну, все поняли: крест.

— Ошибаешься, — говорит Федька Граев. — Дело общее. Либо крест снимай, либо галстук. Не вправе пионер с красным галстуком богу поклоны бить, достоинство своё человеческое принижать и отряд позорить.

Вера побледнела. Говорит:

— Докажите. Докажите, что у меня крест. Пока не докажете — не виновная я. А доказать никогда вы не сможете.

И глядит на всех с вызовом, только ноздри от гнева вздымаются.

Ребята в нерешительности. Как быть? Неужто силой цепочку срывать? Вроде как-то неправильно.

Тут нашёлся умник один:

— Сама докажи! Отряд тебя обвиняет, ты и оправдывайся. Коллектив всегда важнее одиночки. А не станешь — считай, доказано. Мы тебя сейчас не то что из отряда — изо всей Пионерской организации выгоним, с волчьим билетом.

Вера им:

— Не имеете права. Не вы меня принимали, не вам и выгонять.

Федька:

— Голосуем!

— Голосуйте. Я до самой Москвы, если надо, дойду.

ЦК комсомола меня восстановит.

Отряд в замешательстве. Такая убежденность у Веры, что ребят сомнение берёт: то ли и впрямь правота на её стороне? То ли у неё в Москве покровители? Дикая мысль, а всё же. Как-никак, отец дипломат.

И тут Юра Прошин себя проявил. Видит, все против Веры настроены. Значит, решил, любая выходка ему с рук сойдёт.

Метнулся к Вере, руку под воротник, и сорвал с неё эту цепочку.

— Вот! — крикнул. — Смотрите!

Вера с размаху ему – пощёчину. Юрка отскочил, цепочку в кулаке сжал, поднял на всеобщее обозрение.

Отряд ахнул: на цепи и не крестик совсем, а значок, на вид октябрятский. Но двусторонний, без всякой булавки.

Ребята сгрудились в кучу – рассмотреть, убедиться.

Вера:

— Отдайте!

Ей:

— Обожди!

В самом деле, значок – точно как октябрятская звёздочка, только вместо Володи Ульянова – серп и молот в колосьях, а над ними алое знамя.

Ребята загалдели:

— Что за штука?

— Вроде и наша, да не совсем...

— Нет, не делают у нас таких.

— То, наверно, испанская!

— Да нет, тут по-русски написано. Видите, сверху: СССР.

— А снизу что за буквы? Эс-Ха-Эс... Что значит «Эс-Ха-Эс»?

— Сельхозсоюз, должно быть, какой-то. Не важно. Серп и молот есть, знамя – красное, – значит, наш значок, правильный.

Расступились, обернулись к Вере:

— Что ж ты скрывала? Разве можно такого стыдиться? Мы уж вправду думали: крестик. Вот Юрка брехун, горазд человека порочить.

Юрка сник. Опозорился перед отрядом.

Вера молча цепочку выхватила. Да так, не говоря ни слова, и ушла.

Я потом её спрашивала:

— Почему ты им не сказала? Можно ж было значок вынуть, разом Прошина посрамить.

— А зачем? — удивилась Вера. — Что мне Прошин? Не люблю я душу напоказ выставлять. И когда силой давят, всё во мне закипает. Попросили бы дружески, другое дело.

— Боюсь, — говорю, — Юрка тебе теперь смертельный враг станет. Он мстительный.

— Пусть, — отвечает Вера. — Может, хоть через ненависть у него характер окрепнет. А то сейчас слизняк слизняком. Ничтожество.

Но Юрка так слизняком и остался. Когда немцы в войну Ростов заняли — в полицаи пошёл. А потом с отступающим вермахтом сгинул. Может, пришибли его, а может, сумел до Германии дотянуть, да там и затерялся.

Только Вере он крови попортил немало.

Как-то раз, весной уже, мне выпала очередь дежурить по классу после уроков. Я всё прибрала, подмела. Цветы полила на окне. Класс закрыла, ключ тёте Гале вернула, вахтёрше.

А вечером мы с Верой в беседке сидели, против школы, под вязами. Судачили о том о сём. И как-то речь зашла о фашистах. Я спросила: встречала ли она в Испаниях-Германиях настоящих фашистов? Какие они?

Вера рожицу скорчила, ладони к ушам приставила, будто рога:

— Ууу! — страшным голосом взвыла. Мол, такие они, фашисты: не то черти, не то уродцы рогатые.

И хохочет.

Я обиделась. Говорю:

— А серьёзно? К чему дурачества эти?

Отсмеялась Вера. Говорит:

— Ладно, Алён. Слушай. Есть два вида фашистов. Есть фашисты от нехватки ума, а есть от нехватки сердца. Бессердечные — хуже. Они заводили. Им плевать на чужую беду, на людские страдания. Фашист глух к чужой боли. Ради целей своих готов полмира в крови потопить. Фашист — такой человек, который заранее себе всё простил. Потому

для него нет барьеров — убить, украсть, сподличать. Те же, что от нехватки ума, — просто люди как люди, не привыкшие думать. Они пойдут за любым вожаком, словно стадо. Фашист, монархист, коммунист — любой их может увлечь, подчинить своей воле. Они будто мягкая глина: что вылепишь, то и получишь.

Я задумалась.

— Почему ж тогда, — спрашиваю, — коммунисты их за собой не позвали? В Германии Эрнст Тельман есть, в Испании Пламенная Долорес. Неужто фашисты убедительней оказались?

Тут и Вера примолкла, взгрустнула.

— Не знаю, — говорит. — Может, в том дело, что фашисты на изменных чувствах играют — жадности, корысти, злобе к соседу. А вниз всегда упасть проще, чем в небо взлететь.

Вот так сидим мы, болтаем. Вдруг Вера встрепенулась, насторожилась. Привстала, на школу поглядывает. А стемнело уже совсем. На юге рано темнеет и быстро. Я головой завертела. Говорю:

— Что случилось?

Вера палец к губам поднесла:

— Тсс! Погоди минутку.

Из беседки выпорхнула и прямо к школе помчалась.

Слышу: шорох, затем свист какой-то.

Я за ней. Но пока догнала — Вера уже назад топает не спеша.

— Померещилось что-то? — спрашиваю.

— Не знаю, — говорит. — *El tiempo dirá*: поживём-увидим.

И дальше на все расспросы — молчок.

А наутро приходим мы в школу — там переполох. Шум, гвалт... Уже в раздевалке суета какая-то странная, а как в класс зашли, смотрим — Анна Никитична бледная вся, сама не своя. Звенящим голосом спрашивает:

— Кто это сделал?!

Мы с Верой переглядываемся: о чём речь?

В общем, выяснилось: взломали учительский стол. Оказывается, намечался контрольный диктант. Бывали у нас такие диктанты, без предупреждения. Так вот, накануне из ГорОНО пришёл закрытый конверт – материалы к диктанту. Анна Никитична тогда конверт спрятала в ящик стола, как положено. А теперь – ящик взломан, конверт исчез. Как такое случилось?

Прибежал Андрей Евсеич, директор. Мы все встали. Гадаем, что будет.

Директор давай нас распекать.

— Сознавайтесь, – говорит, – кто это совершил?

Взлом, хищение документа – подсудное дело.

Все молчат, как воды в рот набрали.

Директор повысил голос.

— Хорошо, – говорит. А по тону понятно, что совсем ничего хорошего. – Мы, – говорит, – это так не оставим. Разберём по всей строгости. Пятно ляжет на весь отряд.

Ну, ребята глазами пол сверлят. Странное чувство: вроде и знаешь, что не виноват, а всё равно стыдно.

Андрей Евсеич тогда спрашивает:

— Кто последний брал ключ от класса?

И тут я похолодела. Сердце разом в пятки ушло. Ведь я же, я вчера дежурила! И ключ тёте Гале вернула. Сейчас вспомнят об этом – как тогда оправдаешься?

Но вспомнить никто ничего не успел, потому что тут Вера шагнула вперёд и сказала громко:

— Я знаю, кто вор.

Все глаза на неё устремились. Тишина сделалась необычайная. А Вера, как ни в чём не бывало:

— Юра Прошин. Он выкрал конверт.

Юрка аж подскочил:

— Врёшь! – кричит.

Анна Никитична:

— Тише! Тише, ребята!

Андрей Евсеич – Вере:

— Тальянцева? Объяснись!

Юрка:

— Врёт она всё! Сама и украла!

Вера отвечает:

— Мы вчера с Алёной в беседке сидели, там, за школьным двором. Вечер был, восьмой час, но я в сумерках вижу неплохо. Смотрю: тень мимо школы крадётся. И вроде на первом этаже окно отворилось – отблеск был. Я подумала: может, кто хулиганит, или в живой уголок октябрята пробрались. Подбегаю, окно закрыто, но успела заметить – Прошин Юра, пригнувшись, бежит. Я свистнула по-особому – внимание его привлечь. Он обернулся, меня не заметил. Но вижу, к груди прижимает что-то – то ли книгу, то ли какое письмо. Я вначале не догадалась, а теперь поняла. Это он конверт выкрал.

— Допустим, – директор с сомнением говорит. – Но как мог Прошин окно отворить? Оно изнутри на щеколду закрыто.

— А вы проверьте – закрыто ли. Достаточно было щеколду заранее приподнять.

Осмотрели все окна. Действительно, на одном щеколда приподнята. Распахнуть ничего не стоит.

Андрей Евсеевич к Прошину повернулся:

— Ты что скажешь?

А Юрка-то нос задрал, усмехнулся да и заявил:

— Врёт она! Иностранка, боялась диктанта. Прознала и выкрала. Ключ у ней есть – за кроличьим уголком смотреть. Вот и шастает по школе, когда вздумается. В ранец к ней загляните, или в пальто. Ручаюсь, найдёте конверт!

Вера от гнева румянцем покрылась. Что-то воскликнула по-испански.

Я не выдержала, кричу:

— Не верьте ему! Я тоже его вчера видела. Вера правду сказала!

Хотя, по-настоящему, конечно, не видела я. Но сердцем чую: не Вера воровка, а он.

Не знаю, что было бы, только тут Лёня вмешался.

— И дурак же ты, Прошин, — с презрением говорит. — Думал, никто не заметит, что ты возле пальто её в гардеробе вертелся перед уроком? Ну, так я тебя видел. А теперь суди сам: если б конверт вчера и впрямь она выкрала, на что ей таскать его при себе второй день?

Юрка нагло:

— А мало ли?!

— А вот не мало!

Ну, директор пресёк перепалку. Проверили, и действительно, мятый конверт у Веры в пальто отыскался.

Юрка Прошин вины не признал. Вера, понятно, тоже. Как быть — неясно. Слово против слова. Сам момент, когда Юрка конверт ей в карман подложил, Лёня не видел, а врать не в его было правилах.

В общем, кому верить, каждый сам для себя решал — и учителя, и ребята. Но поскольку конверт оказался не вскрытый, печати все целые — страсти сразу поулеглись, Андрей Евсеич отмашку дал, и в тот же день диктант всё-таки состоялся, вместо урока литературы. А дальше всё в колёю вошло. Ни судов, естественно, ни милиции.

Только вот что самое удивительное. Постепенно, без всяких признаний, все как-то поняли, что виновен был Юрка. Просто он хулиган был, дрянь-человек, и с конвертом история вполне в его характер укладывалась. Но в том и беда-то, что Юрка был свой, а Вера чужачка. С Юрки что взять? Он своим поступком ничего нового не открыл: все и так знали, кто он и что он. А вот Вера, что его первая директору выдала, навлекла на себя неприязнь всего класса. Кроме меня да Лёни с ней вообще разговаривать перестали.

Если прежде её гордячкой за глаза называли, то теперь уж открыто — доносчицей.

Говорили:

— Ишь, не терпелось... Проявила инициативу, товарища выдала. За язык, небось, никто не тянул.

Однажды ей Нина Сомова напрямую всё высказала.

Вера в ответ:

— Он мне не товарищ. Он подлец и ничтожество. Сражался бы он среди наших в Испании, я бы враз его застрелила, клянусь алым знаменем! Из-за таких, как он, и пала Испанская Республика.

— Да ты сумасшедшая, — испугалась Нина. — Дикарка какая-то. Держись от меня подальше.

Так Вера стала изгоем. И только я понимала, что своим выступлением она меня защитить хотела. Промедли она минуту, и все вспомнили бы, что дежурной-то была я и, значит, я могла конверт выкрасть. Подтвердить невиновность мою некому, свидетелей не было. Так и ходила бы с клеймом воровки.

Лёня тоже всё правильно понял.

Вера после диктанта к нему подошла. Говорит:

— Спасибо, что поддержал. И ладошку протягивает — руку пожать.

В наше время мальчишки с девочками за руку не имели привычки здороваться. Как-то было не принято. Вера не знала, нахваталась, должно быть, зарубежных обычаев. Но Лёня виду не подал, свою ладонь протянул. Сказал:

— Я же чувствую: честная ты. Не то, что этот шельмец.

С той поры мы все трое друг дружки держались. А к лету сделались неразлучны.

...Бабушка надолго умолкла. Рассказ утомил её. Я сидел, облокотившись на стол. Размышлял. Один вопрос не давал мне покоя. Но спросил я совсем о другом:

— Что же, выходит, Веру ваш класс до конца бойкотировал? До самого выпускного? И учителя на это спокойно смотрели?

Бабушка покачала головой.

— Нет, всё наладилось... позже. Но уж очень нескоро. Дети часто бывают жестоки, несправедливы. Я-то знаю, как-никак сорок лет школе отдала. Всякого насмотрелась. А Вера... Пока своё доброе имя вернула, прошло больше года. Случай был, ей несладко пришлось, зато и Прошина из школы вышибли наконец. Как-нибудь тебе расскажу, не сейчас.

Я кивнул. И решил:

— Ты сказала вначале, что дедушка был бы не рад про Веру услышать. Почему?

Бабушка усмехнулась.

— Много будешь знать, скоро состаришься.

И я понял: лучше не спрашивать. Впрочем, и так всё понятно. Какие могут быть варианты?

Мы ещё посидели немного. Часы на стене глухо пробили восемь. Бабушка встрепенулась: начинался её сериал, давняя вечерняя традиция. Нацепив очки, она встала и, шаркая ногами, поплелась в комнату, где стоял старинный телевизор «Рубин» — здоровенный ящик с выпуклым экраном из толстого стекла.

— Учи своего Труэбу, — бросила она напоследок. — Если что непонятно, заходи потом, разберём. Память что решето стала, а всё ж ещё что-то теплится.

— Я лучше в магазин пока выйду, — крикнул я вслед.

Бабушку я огорчать не хотел, но и заниматься при включённом телевизоре было невозможно. Грохотал ящик всегда на полную мощность, и не было в квартире угла, где бы можно было укрыться от этого грохота. Но бабушка слышала плохо, годы брали своё, и, усевшись перед телевизором в мягкое кресло, она вскоре засыпала, убаюканная домашними интонациями сериальных героев.

Луисы Альберто, Марианны и всяческие Хосе Игнасио многословно устраивали свою личную жизнь, а бабушка мирно дремала, утомлённая заботами дня.

И сейчас я впервые подумал о том, что в чужестранной речи мексиканских сеньоров и сеньорит, пробивавшейся сквозь русскую озвучку, бабушка могла слышать что-то родное, знакомое с детства, напоминавшее о близкой когда-то подруге...

Я отнёс кастрюлю с помидорами к балкону – там прохладнее. Погасил свет на кухне. Закутался в зимнюю куртку, затворил потихоньку дверь и вышел на улицу.

Был мирный вечер, дома в городке светились разноцветными окнами. Аллея, ведущая к бывшему военторгу, оказалась пустыня. В мои детские годы в военторге, на втором этаже, был игрушечный магазин. Там же продавались и книжки. А на первом этаже, рядом с продовольственным отделом, помещался так называемый стол заказов, где ветеранам порой выдавали дефицитный товар.

С тех пор прошло много лет, исчез дефицит, не осталось почти ветеранов. Сгинули книжки, игрушки. Военторг перестроили, и недавно его выкупила то ли «Пятёрочка», то ли вездесущее «Дикси».

Впрочем, это был не худший вариант. Местному Дому культуры повезло куда меньше. В «лихие девяностые» он сгорел, и до сих пор на его месте сиротливо вздымались руины, сквозь которые уже проросли молодые деревья в человеческий рост.

Всякий раз, приезжая в эти края, я вспоминал детство. Когда-то мы с дедом исходили здесь все тропки-дорожки. Когда-то с братом, мамой и папой бегали купаться на речку. За военторгом раньше тянулись ряды деревянных сараев: владельцы использовали их вместо погребов, хранили кадки с соленьями. А дед свой сарай приспособил под мастерскую. Мы с ним вместе «работали»: дед строгал плашку для книжного шкафа, а я

рядышком обстругивал какую-то палочку, уж не помню зачем. А порой, в разгар летней жары, к нам заходила и бабушка – принести бидон с квасом или пакет с бутербродами.

Сараи давно снесены. На их месте бесхозный пустырь с жухлой серой травой. Прошлое уходит, утекает сквозь пальцы, превращается в неосвязаемую дымку воспоминаний.

Воспоминания дремлют где-то за краем сознания, иной раз годами не дают о себе знать. И всё равно каждый раз оживают, расцветают, как ландыши по весне, стоит лишь снова попасть в родные края...

Но сегодня у меня не шла из головы последняя бабушкина история. Далёкие тридцатые годы. Довоенный Ростов. Странная девочка из Испании. Бабушка с дедом, ещё совсем юные, не ведающие, что судьба свяжет их на всю жизнь...

И могло ли всё повернуться иначе? Кто знает, был бы я сейчас здесь, если бы...? Да и был бы вообще?

* * *

Голоса в телевизоре слились в общий гул. Бормотание сделалось неразборчивым, отдалилось... Картины прошлого заполнили сознание. Бабушке снилось лето... Лето тридцать девятого года...

...Лёня, Вера, Алёна бегут по зелёному лугу. Со стороны это похоже на игру в догонялки. Но нет, они же не малыши! Они запускают модель самолёта. Прекрасный вёрткий самолётик-биплан, сложенный из тонкой фанеры и реек, оклеенный серебристой калькой, взмывает в синее небо. На широких крыльях – красные звёзды.

— Эге-гей! – кричит Лёня.

— Corramos¹! – восклицает Вера.

— Летит, летит! – в восторге вопит Алёна.

¹ Бежим! (исп.)

Встречный ветер развеивает им волосы, свистит в ушах, холодит раскрасневшиеся от быстрого бега лица.

Самолёт поднимается выше, подхваченный воздушным потоком. Кажется, ещё чуть-чуть, и он превратится в сверкающую искру, в точку, растворится в безбрежном небе. Но вот высота пошла на убыль. Самолётик плавно снижается — далеко-далеко. Где-то там кончается луг, за обрывом стремительный Дон. Неужели модель пропадёт? Этого допустить нельзя!

Лёня мчится быстрее всех. За ним, лишь чуть-чуть отставая, Вера; она смеётся, сине-белое матросское платье полощется на ветру. Алёна бежит без усилий, едва касаясь ногами земли — для неё бег всегда был сродни полёту. Довериться ветру, расправить руки-крылья, и, кажется, ты уже в небе — паришь над землёй вольной птицей! На мгновенье Алёна закрывает глаза, предаваясь счастливым мечтам... Но тут слышится победный возглас!

— Есть! Вот он!

Это Лёня у самого края обрыва, вытянув руку, словно Мальчиш-Кибальчиш на знаменитом рисунке, схватил самолёт на лету.

Вера хохочет, догоняет друга, а следом подбегает Алёна. Все трое смешиваются в кучу малу, рискуя сорваться с крутого берега или повредить так удачно спасённую модель. Впрочем, берег не очень высок. Слышно, как шумит Дон.

— Не сомни крылья! — слышится весёлый возглас. — Киль, киль, осторожно!

Лёня отбрасывает самолёт в сторону, и тот утыкается носом в травянистую кочку. А друзья, расцепив объятия, отдышавшись, лежат теперь на спине, наблюдая за бегущими облаками. Сладковатый воздух пьянит, вливается в лёгкие.

— Para siempre², — говорит Вера тихо.

— Para siempre, — отвечает Алёна.

² Навсегда (исп.)

А Лёня поднимает ладонь в пионерском салюте.

* * *

Август. Догорает усталое лето. Дни ещё стоят жаркие, душные, но темнеть начинает всё раньше. Алёна под маминым руководством шьёт новое платье к школе — прежнее ей мало.

Вера пропадает в живом уголке — выхаживает крольчат.

Лёня рыбачит.

Однажды погожим утром друзья собираются вместе. Лёня снаряжает лодку, вместительную плоскодонку. Решили сплавить к станице Старочеркасской. На излучине, не доходя до станицы, есть хорошее, рыбное место. Там водится крупная стерлядь, севрюга, а в норах скалистого берега гнездятся кусачие раки.

Обычно Лёня ездил рыбачить с Васей Хомяковым, верным другом ещё с дошкольной поры. Но сейчас Вася в Ставрополе, у тётки. А в лодке хватит места и на троих.

Алёна, подобрав подол платья, перешагивает через бортник. Вера уже на скамье, убирает в кормовой ящик корзинку с едой: плаванье продлится весь день. Лёня берётся за вёсла..

Течение слабос, лодка движется быстро. Ростов позади, видны только фабричные трубы. Алёна просит:

— Дай мне погрести! — она видит, что Лёня устал.

— А моя когда очередь? — требовательно интересуется Вера.

Но Лёня не пускает девчонок за вёсла. Не сейчас. Может, позже.

...Миновали часы. День в разгаре. Солнце стоит высоко. Лодка пришвартована к берегу, поросшему дикой осокой. Вокруг ни души. Расставлены удочки, но пока клёв неважный.

Лёня предлагает искупаться, и Вера с Алёной, пересевшись в ближайшем кустарнике, вбегают в холодную воду.

Чуть поодаль виден заброшенный пирс с потемневшим дощатым настилом. Лёня прыгает с пирса, подняв тучу брызг.

— Плывите сюда! — кричит он. — Не то распугаете рыбу!

Алёна ныряет, отфыркивается, оглаживает мокрые волосы. Вера, углядев на дне блестящий камешек, достаёт его и со смехом кидает вдаль. Камешек-голыш трижды отскакивает от воды, потом тонет.

...А вот друзья сидят уже на пирсе, болтают ногами в воде.

— Хорошо! — вздыхает Алёна. Ей приятно смотреть, как внизу носятся стайки серебристой рыбёшки.

— Слышите? — спрашивает Вера и разводит в стороны руки, будто хочет обнять солнце, небо, весь мир. — Слышите? Земля поёт.

В самом деле, слышен едва различимый гул. Стрекохут кузнечики, гудят, замирая, стрекозы, плещет волнистой рябью о берег весёлый Дон.

— Пора братья за дело, — напоминает Лёня.

Вера идёт проверять удочки.

— Скорей! — слышится её голос. — Здесь клюёт!

Друзья бросаются на зов. Лёня вытягивает из воды увесистого желтоватого карпа. Оглушает, бросает в ведро. Вера споро насаживает на крючок новую приманку.

— Не жалко тебе рыбу-то? — спрашивает Лёня полушутя. Он знает Верину любовь ко всякой живности. Сам не раз помогал ей в живом уголке.

Вера слегка хмурит лоб. Отвечает серьёзно:

— Я раньше жалела. Отцу всё мешала рыбачить. А потом прочитала, что у рыбы всей памяти — три секунды. Она, считай, и не знает, что на свете живёт.

— Это что ж получается, — рассуждает Алёна, — у карпа этого каждые три секунды всё равно что новая жизнь?

— Ну да, — кивает Вера. — Вот сколько этому, скажем?

— Года два, — прикидывает Лёня на глаз.

— Значит, он будто двадцать миллионов жизней прожил, — сходу заключает Вера. — Только проку от этих жизней? Многому ли научишься за три секунды.

— Двадцать миллионов? — поражается Лёня. Принимается соображать в уме — проверяет. Сбивается, чертит палочкой на песке.

Алёна успевает быстрее:

— Двадцать один миллион!

— И двадцать четыре тысячи сверх, — добавляет Вера. — Если, конечно, возраст точным считать.

— Слушай, Вер, — изумляется Лёня, — где ты так в математике поднаторела?

Вера пожимает плечами:

— Само получается. Не знаю, у меня с детства так. Есть что-то в числах такое — правдивое, чёткое, верное. Будто невидимый свет. Не такой живой, как от солнца, но яркий: в нём сразу всё видно — суммы, разности, произведения... Не знаю, как объяснить.

Смущённая, она замолкает.

— И это именно в числах? — уточняет Алёна. — Не в буквах, словах или географических картах? У тебя только с математикой так?

Алёна слышала где-то, что есть люди, для которых буквы и цифры будто окрашены в разные цвета. Буква «А», например, красная, «М» зелёная. Это помогает запоминать слова, насыщает красками воображение. Но эта способность редкая, и Верин случай, похоже, иной.

— С арифметикой, — подтверждает Вера. — Вообще у меня есть догадка. Вот, например, это дерево, — Вера показывает на склонившийся к реке клён. — Сейчас оно

крепкое, сильное, зеленеет листвою. Осенью листва пожелтеет, затем опадёт. Весной снова вырастет. Пройдут годы; быть может, столетия. Вырастет клён ещё выше, а после погибнет, засохнет. Или срубят его дровосек. Через тысячу лет не будет здесь этого клёна. А миллион лет спустя, наверно, и берега тоже не будет, и Дон пересохнет.

— К чему ты это? — хмурится Лёня.

— А к тому, что с числами всё иначе. Дважды два — оно и сейчас четыре, и через триллион лет тоже будет четыре. И при основании мира, и при его закате — как ни крути, четыре, и точка! Математика — неизбежна получается. Числа не лгут, не меняются. Может, это и придаёт им ясность, внутренний свет.

Вера зябко повела плечами. Продолжила:

— В других науках такого нет. Взять те же республики наши. Вначале одна Россия была. Затем стало четверо, объединились в Союз. Теперь их одиннадцать. А сколько окажется завтра? Кто знает... Или вот международная обстановка. Недавно Германия врагом нам была, а сейчас договор подписали, конец вражде. Вчерашним противникам руку жмём. Но что станет после?

Солнце заходит за длинное мутное облако. Сразу становится холодно. Лёня встаёт — собрать сучьев и хворосту для костра.

— Тебя послушать, — говорит он, обернувшись через плечо, — выходит, хороши только мёртвые цифры. Клён тебе, видишь ли, плох, он не светится, потому что однажды умрёт. И все мы умрём, человечество вымрет, поэтому людям нельзя доверять: они ненадёжны, мол, непостоянны. Как этот карп-бедолага: двадцать миллионов жизней отжил, а попался-таки на простую приманку, и теперь из него мы сварим уху.

Вера тоже встаёт:

— Пойду переоденусь, замёрзла.

«Обиделась», — думает Алёна.

Однако, вернувшись, как ни в чём не бывало, Вера продолжает прерванный разговор.

— Не в том дело, кто плох, кто хорош. В постоянстве свои слабые стороны. Лежит в траве камень — холодный, твёрдый. Миллион лет может так пролежать. И ты всегда знаешь, чего от него ожидать. Нет от него ни тепла, ни радости. А если люди будут друг с другом — как камни? Неуступчивы, несговорчивы, слепы и глухи? На любовь отвечать безразличием, на симпатию — каменным сердцем? Мир станет чётко и ясен, как математика, но лишится чего-то важного.

— Ну, запугала совсем, — фыркает Лёня. — То у тебя постоянство заслуга, то наоборот. Ты уж выбери, на чьей ты стороне?

— А всё просто, — отвечает Вера. — Математика удобна, но в ней нет горизонтов. Всё всегда одинаково. А у человека есть будущее. Есть надежды, мечты. Математика всегда себе равна, а человек может вырасти над собой. Когда-нибудь наука победит смерть, люди станут жить вечно, но они всё равно будут стремиться выше и выше, мечтать, любить, жить друг для друга, для всех. Может, тогда у человечества тоже появится свет — согревающий, добрый...

— А сейчас? — спрашивает Алёна. — Сейчас никакого нет света? Ни чуточки?

Вера кладёт ей на плечо жаркую ладошку.

— Когда чувствуешь, что тебе с кем-то тепло, хорошо... Может, в эту секунду и рождается свет для всего человечества?

— Ладно вам, — Лёня добродушно прерывает девчат. — Заладили всё о высоком. Давайте, что ли, костёр разожжём? Вот и будет вам свет.

Продолжение следует

Марина Анашкевич. Родилась в Москве. Закончила Литературный институт имени А.М. Горького (отделение прозы). С 1997 года публикуется в периодических изданиях как автор прозаических и поэтических текстов.

Автор 12 книг.

Член Союза российских писателей.

Куратор литературных фестивалей и творческих конкурсов.

Марина Анашкевич
г. Москва

Волна вольна

Волна, волна, — гуляй, вольна,
от карельского валуна
до рипейской Яйык-реки,
и ты, вольна, реки-реки
о Зарни-сватье, о Бабе златей,
с квиткой и свитком,
оповитыми
млеком БелВодья,
мёдом Угодья...
Ты расти на волюшке,
вирья Свирьская,
от карельского валуна
Нёвы питерской,
от ворот Тверцы
до Нёглы-невольницы
и сестрицы Москва-реки,

и ты, волна, реки, реки
о камне Уара в Бору старом...

Яром славным, вольна,
да от Толги вниз,
ты к Почайне, шальна,
струись!

Не молчи, волна, мчи
вдоль полынных степей,
в такт копыт коней
вольн ковыльную!
Ветра жар вилетай
в водный вал, свивай
слово вольное
в песнь народную!
Ты журчи, вольна,
ты гуди, волна, долго
во всю ширь Волги
об Утёсе в Горках,
где гора Дурман,
в сто сажень Курган...

Волна, волна, – вставай, вольна,
с Самарского дна!
Ты реки, волна, перекатами
об Урале,
смазмодом богатом!
В пенном уборе
из Ори в Тобол,
Омью катись
в Ирей-тишь – Иртыш!
Рябью по Таре
от-зо-вись...
Межной-ОМежной
во льдах Оби
о волюшке шепотни,

снежно-ОНежно...
Белым сугробам,
чтоб стали не гробом,
а тёплым Домом,
озёр Путоранских
ОКОЁМОМ...
Тори, реки, да не напрасно!
Гори, вольна, ясно,
Красно-ЯРско,
чтоб не погасло!

Тайнопись

Мой философский камень – ключ,
хранящий ИМЯ. Он горюч,
колюч, как ёж и многоигл,
он тайный бред моих сивилл,
танцующих вокруг костра...
Их песни – жара чистота,
и смех, и леденящий вой,
и шёпот рун. Сей частокол
лучистых ровн моя броня,
подковы моего коня
из лада рифм и дроби ритма,
в прожилках огне-лазурита.
Коня нагайкой не жлещу,
лишь тихо глажу по плечу.
Вечерне-утренней зарёю
пускаю друга к водопою...
А там, на донце и в розетке
лежит мой ключ, как ёж морской,
животрепещущим алмазом...
И пьёт водицу конь гнедой,
кося одним лиловым глазом...
Смолкает эхо вдалеке.

А ива золотою веткой
выводит ИМЯ на песке...

Земля-Ника

В.

Мальчишки бежали –
пострелы...
«Земляника, – кричали, –
поспела!»
Земляника к земле никла,
алела в твоей ладони
каплями крови,
скрывая линию Жизни...
Сбиты верхушки трав
веткой в твоих руках,
будто сабелькой.
Мальчишки...
Как жаль,
ведь не знал ты –
берёза росла из моей спины,
обоих питая силою.
Светило всходило и заходило,
сияло и меркло...
С разных планет –
разминулись с тобой на двадцать лет
по земным меркам.
Север и Юг не сойдутся вдруг
и не расстанутся,
обвенчанные,
на страже полярной вечности.
И, может статься,
меж Полоцком и Берестьем
есть заповедное место:
с травкою, стеною растущей,

как в БелаВежской пуще,
в оправе корней древесных
озеро среди леса...
Там ты рождаешься вновь
между моих ног,
с маковкой золотою,
обвитою тишиною...
С рук моих шуе-десных
буселом в поднебесье
сигнёшь из оков и... был таков!
Перья – они же стрелы,
а сверху всегда виднее:
«Земляааа... Никааа! ...пелааа!...»
Сорвиголовые бегут к дому
извилистой тропкой,
с горки в овраг и снова в горку...

Беззвучие

Беззвучье пустоте созвучно...
– Не уходи туда, – себе шептала.
«Но лепет твой как сон докучный», –
себе чуть слышно отвечала.

– Да. Те слова убей или запри
в груди. Пусть чахнут там до срока.
Всё лишнее порви или сотри.

– Постой... Но это... так жестоко.
А как любовь? Моя любовь?..

– Молчи. Не повторяй. Напоминаю:
беззвучие отныне твой покров.
Ступай за выжившими.

– Знаю...

Александр Дашко. Родился 26 октября 1994 года в Ульяновске. Пишет стихи с 12 лет. Работает во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина.

Председатель Ульяновского регионального отделения Совета молодых литераторов. Лауреат областной поэтической премии имени Н.Н. Благова. Член Союза писателей России.

Александр Дашко
г. Ульяновск

Граненый лед моим растоплен жаром,
дыханием, касанием простым.
Смурное небо старым самоваром
пускает серый, в клочья рваный дым.

А мне бы чай... Какая незадача!
У Бога видно кончилась вода.
Растоплен лед, но снег кряхтит, как кляча
Увы, борьба – удел наш навсегда.

Идти в пургу, пусть даже наудачу,
Споткнуться, поскользнуться и упасть...
Быть может, кто-то все же выдаст сдачу
за эту неразменную страсть.

Тогда какой-то голос незнакомый
меня вдруг спросит, будто невзначай:
«Ведь хорошо, что в пору ту истомы
на небесах не пил ты с Богом чай».

И я пойму, что падал я недаром,
с души сдирая кожу... а пока
смурное небо старым самоваром
пускает серым дымом облака.

Дядя Коля продул мундштук,
пробурчал мне: «Пойдем, покурим».
За окном был трамваев стук,
в голове: «Ну какой ты дурень».

Мне семь лет. И обрывочный снег
в стороне, на изломе веток.
Мне казалось, уже третий век
в нашей кухне не видно света.

Мне казалось, уже третий век
я не вижу родные лица.
Вечерами под топот и смех
дядя Коля любил напиток.

Вот закашлялся. Старый уже.
Как и все в задымлённой кухне.
Да и воздух не стал бы свежей,
даже если бычок потух бы.

Мне казалось, уже третий век
этих мелких нелепых бедствий.
За окном был обрывочный снег,
а в душе лишь обрывки детства.

Будто капля акварели скверной
засыхает лужа во дворе.
Мы с тобой не встретимся, наверно,
в невозможно теплом сентябре.

Бабье лето пролетит как праздник,
только я не ветренный поэт.
Я как робкий сонный первоклассник
урону помявшийся букет.

И уйду по раскаленным листьям,
словно йог по колющим гвоздям.
Потому что боль меня очистят,
потому что в счастье жить нельзя.

А наутро бородатый дворник,
лишь перцовкой горло промочив,
раскидает листья по задворкам
и забудет осени мотив.

На сельском кладбище сирень
под перьевыми облаками.
И в этот кроткий майский день
играет яркими мазками.

И в этой солнечной тиши
она совсем не увядает.
Здесь время вовсе не спешит
в чужие пасмурные дали.

Кто нас покинул, в лепестках
сирени этой расцветает,
чтобы душой хотя бы так
навек остаться в белом мае.

И тешусь мыслью я одной
под облаком прозрачной стаей,
что всяк ушедший хоть весной
на три мгновенья воскресает.

Я в море желтых одуванчиков
хочу навеки утонуть.
С печалью нужно ведь заканчивать
когда-нибудь, когда-нибудь.

Они из солнца невесомого,
как будто маем рождены.
И в них так много незнакомого,
и желтизны и желтизны.

Гуляют парочки аллеями
и обнимаются - ну пусть.
А одуванчики развеяли
Простую грусть, простую грусть.

Они так быстро разлетаются,
из серебра оставив тень.
Но пусть влюбленным вспоминается
весенний день, весенний день.

Майка Лунёвская.

Лауреат международного арт-фестиваля «Провинция у моря — 2014», победитель премии «Северная земля», участник Форума молодых писателей. Член Южнорусского Союза Писателей. Произведения публиковались в журналах «Дети Ра», «Южное сияние», «Кольцо А», «Журнал Поэтов» и др. Живёт в Тамбове.

Майка Лунёвская
г. Тамбов

Близко поставленный стул, ведро под кроватью,
бабушка больше не выходила из дома.
- Что ты видишь в окно иконы? Что ты видишь?
Прервать её
не прозвучавший ответ.
Если свет с улицы - значит утро,
ночь делают шторы.
Чтобы определить время суток...
Но зачем, если есть рисунок
на обоях? Ноготь очерчивает пятно жира,
как чей-то профиль пятно.
Ты умерла, и мы тоже, видишь, как живы,
и по каждому вырублено окно.

теперь я знаю с чем сравним
но не произнесу
я хуже всех и жу*бысним
кому и стыд к лицу

все люди знают больше чем
я, ни о чем вполне
мне легче речь в параличе
улыбки вывих мне

не мимо ямы колесо
мы ляжем и смолчим
что мандельштам не мендельсон
что нет любить причин

что если смотрим то назад
где ничего там нет
когда калечат и кричат
и выключают свет

тень не становится темней
когда один один вдвойне

кому ты? к ней
кому ты? к ней

кому ты как не мне

мы виноваты мы не виноваты
бежать людей не причинять любви
и хорошо не знать ни с кем ни как ты
теперь живи

здесь хорошо здесь есть окно и стены
и дверь одна чтоб выход находить
из замкнутой на первый взгляд системы
и можно жить

К. К.

Когда, попав в земную центрифугу,
разомкнуто мы бегали по кругу

и повторяли хлипкое "люблю",
и круг сводился к полному нулю,

мы обладали этой пустотой
внутри нуля, с уверенностью той,
что два нуля и составляют вечность,

которая объединяет их,
и, написав, мы выставляли стих,
как инвалид увечную конечность.

окажись там где рушиться нечему
о тебе заботится МЧС

моя тревожность наступает к вечеру
как наступает лес
когда по нему гуляешь а солнце глубже
солнце уходит дом у него там яма
когда понимаешь кому ты себе не нужен
при чём тут мама

и вот мы идём дети твои мы дети
с кислыми языками от ежевики
и я поднимаю с земли

а ты говоришь выкинь
всё выкинь
а что я тогда оставляю
у меня же и так и так ничего нету
и я возвращаюсь домой с пустыми руками
когда от солнца остаётся огрызок света
когда от света не остаётся солнца
но глаза привыкают свыкаются с темнотой
и темноты тогда тоже не остаётся
и никто не остаётся со мной

Я не знаю предмета спора по существу.
Ветер бьёт по лицу женщину и листву:
"Больше не существуй".

Существую, пью (для полного волшебства).
Тот, кто понял молчанье, может понять слова.
Но никто не понял, не начинай сначала.
Я любила тебя, что бы это ни означало.

из леса выбираются столбы
деревья тут
стоят в зелёном небе над собой
ещё растут

куда расти когда земля везде
и на корнях
и каждому достанется гвоздей
или огня

Вероника Шелленберг. Окончила литературный институт им А. М. Горького. Лауреат ежегодной областной литературной молодежной премии им. Ф. М. Достоевского.

Автор восьми стихотворных сборников и книги эссе и стихотворений о Горном Алтае «Под присмотром орла».

Публикации в журналах и альманахах: «Арион», «День и ночь», «Дети Ра», «Сибирские огни», «Урал», «Москва», «Огни Кузбасса». Председатель Омского регионального отделения Союза российских писателей.

Вероника Шелленберг
г. Омск

Горбатое число

Ирина вставила банковскую карточку в банкомат. Появилась привычная надпись: «введите пин-код». Ирина потянулась к металлическим клавишам и – замерла... Не помнит! Пошевелила в растерянности растопыренными пальцами, - вдруг наберется интуитивно, но – нет! Карточка новая, и цифры еще не отложились в памяти. Вытащив из щели бесполезный пластик, задумалась...

- Эй, женщина! Вы так и будете стоять? – послышался из-за спины недовольный бас.

- Капуша... – просипело следом.

Ирина, вздрогнув, оглядела очередь из пяти-шести человек, темнеющую в просторном вестибюле супермаркета. Сквозь высокие окна леденел зимний полдень. Зажав карточку в руке, она отошла в сторону.

«Спокойно, пин-код я записала, - утешала себя неудачница, - а где записала?». Она живо представила свою записную книжицу, дерматин по шву лопнул, листочки вываливаются... А на последней странице – заветные четыре цифры карандашиком... а книжица-то дома!

«Придется ехать домой», - с этой мыслью женщина пошарила в карманах пуховика в поисках мелочи и, к огорчению, кроме двух рублей ничего не обнаружила. Идти по морозу очень не хотелось. Перетряхнула сумочку, - пусто! Последние монетки потрачены сегодня на разезды. Полчаса назад это даже радовало, - глупые железки не болтаются по карманам. А сейчас предполагалось снять сливки с зарплаты и уйти в загул!

В загул, конечно, громко сказано.

Загулом Ирина называла редкий момент отрыва от архивно-музейной ляжки, которую тянула от выходных до выходных, дыша бумажной пылью и выслушивая трескотню женского коллектива. Не то, чтобы она жаловалась на свою работу, но...

Но сегодня у музейщицы намечался законный загул! Кино в одного, - непременно романтическое! Молочный коктейль, гранатовый сок, шоколадный торт, который займет половину холодильника, и несколько дней будет убывать, словно черная луна. Кроме Ирины, к тарту ведь притронуться больше некому...

Отгнав мысли о недостижимых сладостях, сосредоточилась: «Моя примета! Число пин-кода – это горбатое число! Сама же придумала!»

Именно так, образной картинкой, женщина пыталась застолбить в памяти новую конфигурацию цифр, - в виде возвышенности, горба. Потому что вторая цифра пин-кода была больше первой на единицу, то есть шла в гору. Третья дублировала вторую, образовывая вершину, а четвертая опускалась ниже первой ровно на единицу! Получается, пин-код горбился – например, 1220!

Воодушевившись, Ирина вооружилась листочком и ручкой: «Нуля, точно не было. Это стопроцентно, - рассудила она, зачеркивая 1220, - Что дальше? 2331. Так. Кажется, была еще зацепка на какую-то важную дату. 23, - что это может быть? Ну конечно! день рождение сына!»

Единственный сын, Павлик, квартировал отдельно, но в свой день рождения к матери приезжал, и с цветами. И тогда шоколадный торт исчезал мгновенно. Потом молодой человек, чмокнув мать на прощанье, да пробурчав: «на той неделе заскочу», убежал отмечать с друзьями. «Та неделя» наступала месяца через два-три, когда у Павлика случались «временные финансовые трудности», как он сам говорил. Впрочем, Ирине было не жалко нескольких тысяч. Особо тратить деньги все равно некуда...

Сияя воспоминанием о неизменных красных гвоздиках сына, женщина снова отстояла очередь к банкомату и набрала: 2331.

«Неверный пин-код» - огорошило табло.

Тут же, не раздумывая, Ирина ввела следующее по списку горбатое число: 3442.

«Неверный пин-код»!

Съездившись, трижды неудачница ретировалась. Уставилась в громадное окно супермаркета, не замечая сияния снега, редких прохожих. Видела она только собаку, привязанную у входа, тоже съездившуюся. Гладкошерстная псина отчаянно мерзла, поджимая лапы, а хозяин все не шел...

«Как же так? – шевелила женщина губами, - ну, хорошо, пойдем по порядку, как по музейному каталогу: 4553, 5664, 6775... А ведь осталась одна попытка, и карточка заблокируется. 45, 56... Все числа – больше тридцати, значит, это не дата. Может быть, год рождения? Какой-то памятный год? 67, 78, 89? Нет, никаких совпадений. Хотя... в 89-м поступила в институт... И первая любовь... Боже мой, голубые глаза. Почему через столько лет они вспоминаются пронзительно голубыми? Где он теперь, этот мальчик... А ведь он снился недавно, и может быть, горбатое число привязалось к той короткой встрече в 1989-м? Нет, что за глупости! Вот Лёша, Лёша

мой когда был? В нулевых, а ноля в пин-коде точно не было».

В это время к привязанной собаке наконец-то выбежал хозяин, держа в одной руке полный пакет продуктов. Пес радостно запрыгал, замолотил тощим хвостом. Глядя, как они уходят, - хозяин и трясущаяся от холода и счастья собака, - Ирина позвонила сыну. Тот взял трубку с третьего раза:

«Ну что, мам, трезвонишь? Я на работе, я занят! Пожар?»

«Здравствуй, Павлик! Тебе число 67 или 56 ни о чем не говорит? Или 78?»

«Чего? С тобой там все в порядке?»

«Павлик, сынок, я не могу вспомнить номер от банковской карты. Пин-код, то есть...»

«Фигово... а много там у тебя? – поинтересовался сын.

«Полторы зарплаты. Не в этом дело! Я стою у банкомата без копейки! Не могу деньги снять! До дома ехать не на что. Я сейчас узнаю, какой здесь адрес, приедешь за мной?»

«Что, прям так от дома далеко?»

«Несколько остановок, но в минус тридцать... Понимаешь, ботинки неудачные, промерзают насквозь, а я уже полдня по городу езжу». Ирина замолчала, прислушиваясь к сопению с той стороны.

«Ну, - замаялся Павлик, - я прям сейчас не могу. Что, и двадцати рублей нет?»

«Нет»

«Ну, я не знаю... Чесслово, мам, ну запара тут! А ты попроси у кого-нибудь, а? - нашелся Павлик, - попроси мелочи, люди же ходят рядом?»

«Ладно, иди, работай, - сказала мать и добавила в уже замолчавшую трубку: сынок...»

Она вышла из супермаркета, постояла там, где была привязана собака, пошевелила носком ботинка

ноздrevатый снег. Ботинки, действительно, только с виду, - зимние. А на самом деле, - холодные ботиночки из заменителя кожи, дубеющего на морозе.

«Какое-то всё вокруг заменительное, ненатуральное, ненастоящее, - подумала Ирина, - и работа эта музейная, предел мечтаний, что ли? Была временной, а почему-то стала постоянной».

Тут к супермаркету подъехала шикарная машина, припарковалась. С водительского места поднялась женщина, кутаясь в меховую шубку. Ирина обратилась к водительнице:

«Извините, не могли бы вы...- и запнулась на полуслове.

Женщина в шубке досадливо сморщилась, разглядывая музейщицу. А та, уже предчувствуя, что зря начала разговор именно с этой, холеной и упакованной бизнес-леди, всё равно продолжила, откашлявшись:

«Извините, не могли бы вы дать мне мелочи на проезд? Я забыла пин-код от карты и не могу деньги снять...»

Брови бизнес-леди поползли вверх: «Может, тебя еще подвезти? Какие попрошайки пошли нахальные, со своим счетом в банке!» И она, закрывая машину, так глянула на предполагаемую попрошайку, как будто бы та вот сейчас из вредности облокотится на сверкающий капот и оставит на нем грязное пятно.

Ошарашенная музейщица покраснела до корней волос. Больше она не решилась попросить мелочи у кого-то еще. Снова вернулась в вестибюль и позвонила подруге.

«Да что ты паришься, Ир, - был ответ, - в банк иди, в ближайшее отделение. Этих отделений на каждом углу. Они разрулят. Это ихняя работа. Паспорт есть с собой? Ну, вот и хорошо. Или жди меня, я через час подъеду. Не раньше. Я тут такую офигенную сумочку взяла на распродаже. Помнишь, я тебе говорила, - скидки бешеные! Ну, как не помнишь... Еще в посуду загляну и - сразу к тебе!

Подождешь? Ну, как хочешь... Если что – звони! Короче, дуй в банк! Всё, пока!»

Идея найти ближайшее отделение банка, и, непременно, по пути домой, Ирине понравилось. А что? Всё равно топать до дома пешком. А по дороге она будет заходить в магазины – погреться. Аккуратно сложив бумажку со списком горбатых чисел, она вышла на проспект.

Раньше музейщица не обращала внимания, сколько же разных контор, магазинчиков, бутиков, салонов гнездится на первых этажах многоквартирных домов. Теперь же, шевеля в ботинках замерзшими пальцами, она разглядывала вывески с живым интересом: куда можно зайти погреться, не будучи сразу выставленной за дверь?

В нотариальную контору? Нет. В массажный салон? Нет. В винный бутик – тем более нет! Поглядеть на дорогущие бутылки и выйти ни с чем казалось унижительным. В ритуальные услуги? Ну уж нет! Только тоски-печали не хватало в такой неудачный день. Зачем, например, надо было спрашивать мелочь у женщины, которая, как пить дать, мыслит в долларах? Зачем названивать подруге, охваченной ажиотажем распродаж? Зачем Павлика отрывать от работы, он ведь только недавно устроился, а с работой сейчас так сложно... И, если разобраться, зачем этот гранатовый сок, эти торты, импортные фильмы с ненатуральными страстями? Хочется чего-то другого, настоящего... Были же раньше – походы, гитара у костра... какие-то сумасшедшие планы на будущее!

Замерзнув окончательно, Ирина прочла вывеску: «Авиатур». Зашла. За стеклянной стойкой восседала стройная девушка, богиня красоты, – приветливая, аккуратная. На стенах пестрели плакаты: солнечная Италия, морское побережье, заснеженные горы.

Богиня просияла, как будто весь день ждала именно ее, окоченевшую неудачницу: «Здравствуйте! Желаете куда-нибудь отправиться?»

Посетительница, растирая озябшие руки, посмотрела многозначительно на один плакат, на другой, на какие-то свидетельства в рамочках и спросила: «А куда предложите?»

Богиня чуть убавила сияния: «Сегодня у нас несколько выгодных предложений! В Грецию, в Турцию, в Таиланд».

«А по России что-нибудь есть? - поинтересовалась Ирина, делая вид, что не замечает снисходительного прищура богини, - А то, знаете ли, загранпаспортом до сих пор не обзавелась».

«Разумеется! Но, обычно, в это время года все стремятся в теплые страны, - был ответ, - поэтому сейчас есть дешевые билеты на Камчатку!»

«На Камчатку! Ничего себе... Наверное, в Грецию сейчас проще слетать, чем на Камчатку... Камчатка! Сопки, вулканы... Горелый, Ключевский, Авачинский, между прочим, действующий, - вежливо продолжала Ирина, словно вела экскурсию по музею, - А у меня ведь друг старинный в Петропавловске-Камчатском живет, пишет иногда, как там замечательно... А я ни разу на Камчатке не была... До сорока пяти лет дожила, а на Камчатке не была...»

Тут Ирина изменилась в лице и торопливо достала бумажку со списком горбатых чисел. Развернула, пробормотала: «45! Ну, конечно! 45 – начало моего горбатого числа! 4553 – мой код! О, мой бог! Девушка, милая! Как же вы вовремя со своими вот этими вот... предложениями, - закричала от восторга музейщица, - а не махнут ли мне на Камчатку?»

И несколько раз подпрыгнула на месте, отчего по замерзшим ногам побежали восхитительные мурашки, а

дежурная улыбка богини окончательно угасла, и девушка превратилась в обычную конторскую служащую.

Сотрудница Авиатура даже потянулась к тревожной кнопке. Но — не нажала. Профессиональный интерес победил, и она сказала просто:

- Летите на Камчатку? Давайте паспорт!

- А, пожалуйста! - выложила гербовую книжку Ирина.

- Ближайший рейс на 16 число этого месяца, - отчеканила бывшая богиня.

- Через три дня? Ну, и замечательно! Оплату карточкой принимаете? - уточнила Ирина.

- Принимаем.

- Вот и отлично, сейчас проверю, верное или неверное мое горбатое число. Судьба или не судьба.

- Обратный билет из Петропавловска-Камчатского на какое число оформить? - продолжила сотрудница, стуча по клавиатуре.

- А ни на какое. На месте разберусь. С другим старинным дойдем до Авачинского вулкана, а там поглядим... - спокойно сказала бывшая музейщица и вставила банковскую карточку в считывающее устройство.

И ничего удивительного не было в том, что карточка была принята к оплате.

Владимир Столбов родился в пос. Ухтомский Ярославской области в 1982 году. Поэт и музыкант. Выпустил 3 книги стихотворений — «Непонятные стихи» (2005), «Разговоры» (2012), "Метель на кухне" (2017). С 2009 по 2016 гг. записал 7 музыкальных альбомов под именем sto lboff. Сейчас живёт и работает в Нефтеюганске.

Владимир Столбов
г. Нефтеюганск

Еле светят в потёмках
Фонари у дороги.
Мир качается в стёклах.
Загибаю уроки.

Я по жизни прогульщик,
Свиристель-пустомеля.
Выбирать, где погуще,
Ни хрена не умею.

Что ж, немало певучих
Птиц под снегом осталось.
Тоже - верили в случай,
Белым светом питаюсь.

Но - неважно. Я в танке.
Да, не сеем. Не пашем.
Быстро поднятый ангел
Не считается падшим.

Двухчасовая разница -
Такая ерунда.
Не сможешь и накраситься,
Пока летишь сюда.
Да только всё другое тут -
И воздух, и слова.
И красота - неважно.
И кругом голова.
И на предельной яркости
Горит моя судьба.
И сам себя слагает стих.
И льбится губа.

Хорошо, что я здесь,
А не где-то ещё.
И не слишком раздет,
И не ноет плечо.
И не стынет душа
На холодном ветру.
Жизнь — она хороша,
Если стыдно к утру.

Вроде бы в день сурка,
Или в полярную ночь
Душу держал в руках,
Думал: смогу помочь.
Не удержал, и вот
Думаю: как же так?
Кто же во мне живёт,
И попадает в такт?

Может, был и для Ленина рай,
Ведь не всем же Владимирам - дыба.
Ты играй на гармошке. Играй
На виду пассажиров Транссиба,
Милый мой голубой крокодайл.
Я в чехол тебе кину «спасибо».
Ты не дай мне мотива.
Не дай.

Поцелуй в чужом парадном
Лакирнём полусладким красным.
Души выставим аккуратно
И пойдём толковать о разном.

Будем бережно и не больно
Побеждаться в локальных войнах.
Если нас не прогонит дворник,
Будем ласковы и довольны.

И в стекле незамерзшем зимнем,
Словно в зеркале, отразимся.
Дата. Оттиск тугой резины.
Код на ценнике магазинном.

лишь потом я в тебя влюблюсь -
можно ж пошлости говорить? -
паровоз и трамвай куплю.
буду веники роз дарить.

а пока ты мне - тайна тайн.
ты - не слышала песней песнь.
словно бабочка, пролетай
и души затуши болезнь.

То ли в окнах дымно,
То ль темно в глазах,
То ль о чёрных дырах
Хочется сказать.
То ли длинной ночью,
То ли в полусне
Шьёт многостаночник
Строчки о весне.
Строчки о любимых,
Строчки о судьбе.
Выключишь рубильник —
Гаснет свет в тебе.

Мне сыро и темно. И наша жизнь как сон.
И медленно внутри. И будет ли потом?
И холодно губам. И наша жизнь как дым.
И память коротка, и состоит из дыр.
Тут помню, тут смеюсь. И наша жизнь как жесьть.
Билеты за проезд - в них счастья не счесть.
Троллейбус номер пять. И наша жизнь как путь.
А листья - только вниз. И на лице испуг.
Не любит - любит. Пусть. Ведь наша жизнь игра.
А на работу мне по-прежнему с утра.
Туманно, как в раю. И наша жизнь как миг.
Я вас любил. И боль я вычитал из книг,
И поместил в блокнот. Ведь наша жизнь как лист.
Как Ленин, молока в чернильницу налить,
Но не писать. Не спать. И наша жизнь - рассвет.
Заходит на балкон и там стоит, как вещь,
Скучая и пылясь. Нет, наша жизнь - закат.
Все медленней и злей внутри часы стучат.
И скоро уж конец. Ведь наша жизнь как стих.
Так хочется простить... Но - некого простить.

Бертольд исполнит крайний зонг,
И в зале сразу станет тише -
Но, если ты слышал про звон,
Ещё не значит, что услышал.

Борис отпустит десять стрел,
Но небо будет не в обиде.
И если ты на свет смотрел,
Ещё не значит, что увидел.

И Джиму тоже не спалось.
Но, в вену запуская джинов,
Винить не стоит жимолость
Во всех излишествах режима.

Избыток слов - удел ослов.
Пока программа не зависла,
Не нужно портить ремесло.
Где больше букв, там меньше смысла.

И хлещет по щекам Лоза:
К чему прыжки на минном поле?!
Ведь если ты чего сказал,
Не факт, что ты чего-то понял.

Карина Кислицина родилась 19 февраля 1982 г. в г. Оха Сахалинской области.

Публикации: «Можно коснуться неба» (Омск, 2012), «ПарОм : поэзия и критика», «ПарОм : поэзия и проза», в сборнике произведений «Литературной газеты «Лих» в альманахах «Восторг души: стихотворения и рассказы - № 2» и «От имени Любви - № 8», "Складчина", журналах: «Иртыш-Омь», «Омская муза», «Вне формата - № 4».

Карина Кислицина
г. Омск

Когда-нибудь, всё же, папа...

I

Тихо в квартире. Слышно соседский счётчик.
Мама легла. Устала на двух работах.
Ире – четыре. Папа у Иры – лётчик.
Только не пишет папа ей отчего-то.

Владику – восемь. Хочет быть космонавтом,
Мама ему в «Детском Мире» купила ракету.
Владик уверен: в небе, где звёзды – папа.
Может быть, даже приедет к ним этим летом.

Ане – двенадцать. Мама у Ани – повар
В местной столовой. Папа по миру ездит.
Он - акробат. Выполняет смертельный номер.
Мама сказала. Повода нет - не верить.

Саше – шестнадцать. Осенью Саше – в колледж,
Хотел бы как папа – актером. Но будет – столяр.
Мама уходит на ночь. Ведь мама – сторож,
У каждого в жизни свои, несомненно, роли...

II

Игорь Андреевич в кресле-качалке – на даче,
Жизнь пролетела. Поездки... Командировки.
Игорь Андреевич – взрослый. И он – не плачет,
Пьет молоко и бегаёт стометровки.

Игорь Андреевич ездил по всей России:
Сибирь, Сахалин, Карелия, Крайний Север.
Игорь Андреевич был как актёр – красивым,
Статным как летчик. Как акробат – был смелым.

Время летело. Быстро менялись даты,
Так, что и города он не все запомнил.
Игорь считает, что это теперь – расплата
За бурную жизнь – тишина в лабиринтах комнат.

Он одинок. Из родных лишь - собака Черри.
Тапочки носит. И преданно тянет лапу.

Владики, Иры и Саши упорно верят,

Что к ним приедет
Когда-нибудь
Всё же папа...

Я говорю с тобой

Весна неслышными шагами
Идет. И так смотреть мне любо.
Я говорю с тобой дождями,
Целуя ими твои губы.

И пусть не рядом ты. Пусть – где-то
Спокойно спишь. И море снится.
Я говорю с тобой рассветом,
Скользя лучами по ресницам.

Тебя, касаясь незаметно,
Настолько крепко обнимаю!
Я говорю с тобою ветром,
Хотя ты этого не знаешь.

Пусть станет всё, как было прежде,
Нет, будет даже ещё лучше!
Я говорю с тобой надеждой,
И ты меня, прошу, послушай:

Ведь, сколько б ни было плохого,
Пусть наше счастье вечно длится!
Я говорю с тобой любовью
И не могу... наговориться.

Я говорю с тобой...

Небо ниже и тучи чётче

Небо ниже и тучи чётче,
Кланы птиц как скопление точек,
Превращаясь в огромный прочерк,
На Земле оставляют печаль...
Нам обоим так будет проще,

Нам обоим... Не стоит больше...
Ты меня ни о чём не спросишь,
Значит, незачем отвечать.
Наше море всё тише плещет,
Знаешь... Чувства — такие вещи...
Ты во мне уже не трепещешь,
Я в тебе уже не живу...
Только часто у нашей пристани,
До сих пор ярко-рыжими листьями,
Почему-то сгорают истоиво
Сотни бабочек на ветру...

Потому за тебя молюсь

Лето пульсирует, пышет в твоей Испании,
Красной керамикой из твоих рук - в мои.
Помнишь, от лёгкости души у нас летали?
Как ты считаешь, сейчас повторить смогли б?

Тысячи километров меж наших улиц, но -
Тёплые письма, звонок, и - опять смеюсь.
Только за близких сердце всегда волнуется,
Вот потому я за тебя боюсь.

Прошлое не играет роли. Смотри, как светится
Солнечный луч, играя в твоих руках.
Тысячи километров... Планета вертится.
Счастье, порой, уместается в двух строках.

Лето смеётся, пахнет твоей Испанией,
Красной керамикой, мой ускоряя пульс.
Видишь? Над Барселоной взлетели ангелы...
Просто люблю. Потому за тебя молюсь.

Если хочешь выжить

И она так любит: по-зимнему зло и льдисто,
У неё в глазах хрустит и искрится иней,
И её ладони намного нежней батиста,
Только вот она не согреет ими
Никого, кто мог бы ее счастливой
Сделать в замке – пустом, отдающим звуком
Тишины. Убивает она красиво.
Чётким жестом. Холодность – как наука.
И она так помнит, что не уснуть ночами
Никому, чьё имя она прошепчет,
Сто бессмертных зим за ее плечами
Пляшут в танце шальном, задувая свечи,
В твоей комнате. Молча запустит стаю
Белоснежных птенцов тебе прямо в душу,
Не надейся узнать, что она скрывает,
Постарайся сердце свое не слушать.
И она всё знает: сколько тебе осталось
До того момента, как ты исчезнешь,
У тебя в глазах – от неё усталость.
Бесконечный зимний тоскливый вечер
Незаметно холодом укачает,
Заметёт дороги, оставит в прошлом.

Если хочешь выжить, то - изначально
Не пиши ни слова ей, мой хороший.

Владимир Полухин родился в п. Урал Красноярского края 22 апреля 1969 года. После службы в армии начал писать песни и в 90-м собрал свою рок-группу. Перепробовал несколько десятков профессий. В 2011-м осознав, что больше не могу без музыки, создал группу «Zarovednik Goblinov», играющую «инди» (независимую музыку).
Лауреат конкурса имени Игнатия Рождественского.

Владимир Полухин
г. Красноярск

И снова подоконник, сигарета и рассвет,
Туман прилипший к проводам и крышам,
Чуть дальше - старый сквер - ему в обед
Исполнится лет шестьдесят, а может больше. Ниши
Его тропинок укрывали нас не раз
От взглядов, от дождя, чужого мира,
Потом наш мелкий голубей здесь пас
Или гонял. Я, если честно, не люблю Шекспира,
Но в голове всё крутится строка:
«К тебе в наследство перешедший дом» -
Туман рассеялся. Многоэтажки за окном,
А сквера больше нет. Его убили. Докурил. Пока...

Я в стоке
Сто раз собирался уехать из этого города
Я в стоке
С током, бегущим по проводам, перебой сейчас
Я в стоке
Сотканном из омертвевших волокон

Я в стоке
Стёкла не могут сдержатъ удушливый газ
Я в стоке
Стонь больше не глушатся рёвом урбаники
Я в стоке
Стены в потеках, деревья срубили, трава не растёт
Я в стоке
По морю обмана, плывем на огромном Титанике
Я в стоке
Стеками в стойло нас гонят. Никто не уйдёт

А ты когда-нибудь заблудишься в рассвете -
В тумане, что повиснет над рекой
Забудешь всё. А годы, слёзы, дети -
Останутся в реальности иной.
И я останусь там - за гранью зыбкой,
Но жадно поглощающей все звуки.
Я буду видеть - вот идёшь с улыбкой,
Кружишься, поднимаешь к небу руки.
И постепенно исчезаешь, словно морок.
Холодный душ... Такого быть не может!
Симптомы кризиса «для тех, кому за сорок»?
...Все хорошо.
Но - почему-то гложет.

Мы подчинились урбаритму.
Мы по субботам пьем без песен.
Продали кисти и палитру.
Пиджак на животе стал тесен.
Мы закалились, хоть закалка
Была не целью, а побочкой.
Мы овладели камнем, палкой.
Мы научились ставить точку.

Мы просто стояли
Мы просто курили
Мы просто молчали
Потом говорили
На мёртвые темы
Что нас не касались
А фразы слова
Тасова-тасовались
Словесный пинг-понг
Мастурбация лингвы
Слащавенький сонг
Прыщавые синглы
Накрыло прижало
Цинковым тазом
Полвека прошло
Мы не жили
Ни разу

Вот считалка, вот качалка,
Вот песочница, совок,
Вот оранжевое солнце
Свой прищурило желток,
Вст с утра ведут куда-то -
Волокусь, в руках букет,
Вот играю роль солдата
Вот...
Меня там больше нет

Ты пишешь степным разнотравьем и запахом леса.
Я тоже пишу... Только желчью, борясь с перманентным
удушьем.

Игра не на деньги - на видимость интереса
Ты скажешь: "Послушай!". Я слушаю... Даже местами
послушен.

Ты рано встаешь. Ты пишешь, рисуешь, решаешь:

Проблемы, вопросы - чужие, свои, мировые.

Я поздно ложусь и встаю когда ты уезжаешь.

Мы видимся редко, и строки рождаются злые.

А ты пишешь грустью, сентябрьским палевым небом.

Извечная мудрость до края наполнила строфы.

Меня называли когда-то сияющим Фебом.

Я бункер достроить спешу и жду катастрофы.

Посмотри на меня, пожалуйста, посмотри.

Чей-то голос считает холодно «ван-ту-фри»

Мы касательны только пальцами, лишь слегка -

Сквозь густой туман цвета цельного молока.

Этот тур мы танцуем вместе - «айн-цвай-драй»

Двадцать тактов до смены осталось. Выбирай:

Остаешься со мной, растоптав то, что прочим нельзя,

Или будешь кружиться с партнёром другим,

опустив глаза?

Посмотри на меня, пожалуйста, посмотри!

Мы поймали ритм, нас несёт поток. «Раз-два-три...»

Павел Пономарёв родился в городе Рубцовске. Окончил филологический факультет Алтайского государственного педагогического университета. Работал преподавателем русского языка и литературы. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Дальний Восток», «Алтай», «Новая юность» и др. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2016). Живет в Барнауле.

Павел Пономарёв
г. Барнаул

Окно напротив

Каждую ночь в окне дома напротив зажигается свет. Горит ярко, как от светильника, с которого сорвали абажур — до самого утра. Я смотрю на него из своей конуры сквозь гущу осязаемой тьмы, — сковавшей двор, ветви деревьев, похоронившей день.

Стынет чай. От монитора на стол падают холодные блики, обнажая слева край ступенчатой книжной башни, справа — послушную «мышь», полумесяц кружки и стальную полоску чайника, по центру — мой восковой лик. Всё, что за спиной, съедено мраком.

«Ночь. Город утомился. За большим окном тихо и торжественно, как будто человек умирает...» Точнее не скажешь. Волоокый Блок. Слишком холодно, чтобы шуметь под окнами, тащить пьяных девок за волосы и выяснять отношения насчёт предательской эсэмэски... Сентябрь. Чёрная ночь, волчья.

Окно напротив ослепло. Так бывает. Совсем темно, тихо. Погасла «точка», относительно которой можно было бы думать, что мир существует. Мир умер, потух. Есть только я и окружающая меня тьма, которой можно коснуться, опасаясь, что пальцы завязнут в чём-то пахучем и липком, как дёготь.

Человек без абажура прилёг на кровать, сомкнул очи, задумался. Кто он? Почему не спит по ночам? О чём думает? Непогашенный кредит, тревога за отечество, болезнь... Неизвестно. Почему так хочется знать об этом?..

В поздний час интернет вял и непослушен. То окно погасло. Это — горит. Я вхожу в мир, где всегда светит Солнце.

Новых сообщений нет. Собственных посланий — тоже. Я никому не пишу, лень, да и с какой стати. Я вижу солнечную жизнь знакомых и незнакомых мне людей. Ночь, а они не спят: делятся мыслями, тоскуют, пускают розовые пузыри, спорят... Я проникаю в чужие «миры», наблюдаю.

Человек любит копаться в прошлом. Я тоже. Я — человек. Прошлое — долговая тюрьма, сумерки жизни. В сумерках всегда что-нибудь теряешь — любовь, честь, молочные зубы. В сумерках бывает страшно, но они притягивают, как тихая глубина обрыва. Ты невольно вглядываешься в тени, в мерцающие огни, боишься, но смотришь — до мигрени, до слепоты... Невозможно забыть.

Загляну-ка, что там мои старые приятели, что там мои детские дружбаны. Никогда не делайте этого. Сумерки опасны. Привычно скольжу мышкой. Кто это? Нет, это не он. Это кто-то чужой. Что он слушает?! Зачем эта крашенная кикимора на его коленях? А ведь я помню запах сладких, червивых яблок, что мы кидали с тобой через забор на головы прохожих, а затем прятались в шалаше. Ты хладнокровно раскорябивал свои старые болячки до крови

и улыбался, а я смотрел, морщился, и думал о боли. О чужой боли...

Жадно отхлёбываю чай. Я всегда пью крепкий. Так... идём дальше. А вот и ты, дружище... Вернее, то, что от тебя осталось. Рябое щекастое лицо умеренно пьющего мужчины средних лет. Пускай ты не стал поэтом, зато детская мечта сбылась: изо дня в день ты возишь на стареньком автобусе людей. Сигналишь, давишь на газ, посылаешь на... — от точки до точки, с утра и до поздней ночи. Женат. Фотографии жены нигде нет. Неспроста ты её прячешь. Я не поленился представить толстое капризное существо с двойным подбородком: «Миша, иди борщ жрать. Миша, не заглядывайся. Миша, мне бы шубку на зиму присмотреть...». Не ты ли читал мне пронзительные стихи о «пьяных звёздах» в сигаретном дыму коммунальной кухни и намеревался бежать в Питер? Да что там... Вечная память.

Я тоже никуда не сбежал. Ничего не добился. Слово-то какое — «добился», будто я должен всю жизнь долбить в чью-то дверь, чтобы мне отворили и угостили конфеткой мира сего. Нет уж, я лучше подремлю, покурю, повращаю глазами. Странные мысли поселились в моей голове надолго, перезревшие слова скребут горло. А некому. И незачем. Хроническая немота и вялотекущая меланхолия. Ночь — возможность бессмысленно вглядываться в темноту и пить чай. За здравым смыслом — к Солнцу и тем, кто склонен корчиться под его лучами, играя в «настоящую жизнь». Глоток, ещё глоток... Хорошо...

Есть пустынные, сиротливые странички, как брошенные дома с пылью, забытыми вещами и запахом человеческой тоски. Присохшие к «стене» сообщения пятилетней давности без единого смайлика, как строки в газете о пропавшем без вести, навевают тревожные мысли. Что с ним? Умер, отрешился от мира, перебрался в фейсбук...

Её нигде нет. Пусто. Даже «слепой собачки» — и той нет. Первая любовь самая долгая и болезненная, как кошачий укус. Я привязывал её к холодному столбу качели (по мотивам «Рабыни Изаурь»), вставлял в рот пахучую тополиную ветку, чтобы молчала. Она не сопротивлялась. Это всего лишь детская игра. Я носил её на руках и целовал в сладкие конфетные губы. Кто-то мне сказал, что она вышла замуж, родила, и уехала в деревню: не то Бобровку, не то Борзовку. Впрочем, один хрен. Но ведь прогресс, информационное общество, все дела. Какой должна быть твоя жизнь, Катя, что даже «слепой собачки» у тебя нет? А если твой муж дурак и пьяница, что почти очевидно... Только бы жила. Живи, Катя. Ведь отсутствие в Сети ещё не говорит о том, что тебя нет «здесь», где царит ночь, и рука тянется подогреть ещё чаю...

Иду на ощупь в сортир. Шарю выключатель. Рука в извёстке. Темно. Нашёл. Жмурюсь. Толчок захлёбывается водой, шумно отрыгивает, умолкает. Так же, на ощупь, возвращаюсь обратно. Полстакана заварки, затем кипяток — чай готов. Можно жить.

Тебя я нашёл сразу. Стройная блондинка за рулем сияющего авто. Умница. Твоё послание считывается безупречно: фитнес, пляж, клубные мальчики. Любой поймёт, что ты счастлива, успешна, и живёшь всей полнотой солнечной жизни. Те же бесстыжие глаза, влажные, как у русалки. Тебе далеко за тридцать, детей нет. С трудом верится, что на этой тонкой руке, утомлённой бесконечным селфи, когда-то пестрели феньки, что эти пальцы резались в кровь о жёсткие струны. В тебе было достаточно хаоса и тёмного опыта, чтобы в свои шестнадцать камлать Янкины³ песни у костра, заставляя меркнуть тихие степные звёзды. Впрочем, я любил тебя... недолго. А потом наш чердак забили досками, голуби помёрзли в январскую стужу, и в моём хвосте засеребрился первый седой волос.

³ Яна Дягилева (1966-1991) — поэт, рок-певица.

Сумерки прошлого сгущаются. Занавес. Театр теней отклонялся и разбирает декорации. Я отвожу взгляд от монитора, делаю несколько горьких глотков, и вижу — в окне дома напротив снова горит свет. Но теперь он как-то странно мерцает, словно подаёт мне сигнал.

— Не спишь? — моргает светильник.

— Не сплю, — отвечаю я.

— Вот и мой хозяин не спит. Всё думает.

— О чём же он думает?

— Да кто вас людей поймёт. То верёвку к трубе прилаживает, то чай пьёт.

— А к окошку подходил, улыбался?

— Улыбался.

— А песни русские, протяжные пел?

— И песни пел.

— А бутылки под кровать прятал?

— Дурак ты...

— Это почему же? — удивляюсь я.

— Да кто ж со светильником разговаривает, — лукаво подмигнул светильник и погас.

Чьи-то руки снова коснулись выключателя, и комната опрокинулась во мрак. Веки тяжелеют, глаза жмурятся против воли. Я нажал кнопку компьютера и лёг на кровать.

*

Когда придут люди, свяжут меня и напичкают лекарствами — будет утро. Они станут убеждать меня, что ночь для сна, а день для работы, что кушать полезно, а бухать вредно, что разум для войны, а война для мира, что две параллельные линии никогда не пересекутся, никогда...

Новикова (Нефёдова) Екатерина Борисовна. Родилась в городе Алапаевске Свердловской области. С первого года жизни проживает в Омске. Профессиональный музыкант. Закончила РАМ им. Гнесиных (Москва). С 2009 года живёт в Омске.

В 2002 года сборник стихов «Первая октава» получил поощрительную премию на конкурсе им. Ф.М. Достоевского (Омск), публиковалась: в журнале «Литературный Омск», в антологиях произведений омских писателей «Годовые кольца». Автор книги «Эффект присутствия» (2015). Член Союза писателей России.

Екатерина Новикова
г. Омск

Снова «Вот и весна!»
и сирень, и тюльпаны,
просветлённость замотанных лиц.
Мы опять ожидали
её слишком рано,
и опять «наконец дождались».
Сердце города-сада,
загадочно бьётся
в суматохе ветров и дождей,
и сквозь тучи таращится
пьяное солнце:
дождь дождался-
дождит на людей!
Приминая траву,
не сучая по снегу,
мы жуём на бегу «Комплевит».
Одуванчик-нахал,
улыбается небу.

Он-то знает, что
полетит.

Предлагаю расслабиться, кина не будет,
Или будет другое, если угодно.
Эта встреча на перекрёстке судеб
В планах Мироздания не для сегодня.
Перед глазами вертелись, мелькали разные,
Пост принят. Пост сдан. И я
Очень хотела увидеть равного.
Увидела. Здравствуйте! До свидания.
Сумма ушла на перемену слагаемых,
Для тебя осталась одна остуда.
Ноль плюс ноль получится ноль. Иных
Вариантов не дадено. Отсюда
Вывод. Раз не выходит с листа,
Подкачал изначально замес. Так
Давай встретимся лет через сто,
Прямо с этого места.

В небе дали адрес, где родиться,
пригодиться (выполнять изволь).
Так откуда боль «чужие лица»,
маргинала вечная мозоль.

Кем мы были до, кем быть могли, все-
го лишь сон - загадочный пустяк.
Уплывают в лето корабли... Все-
гда щемит, когда я вижу как

По морским сородичам скучая,
парусами-крыльями дыша,
Режет высоту речная чайка,
северное небо рвёт отчаянно

южная
заблудшая
душа.

Ты спокойно пока, полусонно ещё
Шелестишь, как цветок в чистом поле.
Но я думаю, это почти хорошо -
Не отведашь ни страсти, ни боли.

Псевдо - мудрость гласит, что нормальный герой
Чаше ходит дорогой окольной.
Подними же глаза, прозревай дорогой,
Наслаждаться незнанием довольно.

Вот оставленный ангела лёгким крылом,
В облаках след пера отцветает.
И поднявши глаза, ты увидишь его,
И проснешься. Я обещаю.

Город замёрз, сутулится,
словно скользкие недоразумения
в городе хмуром улицы.
Не хочет себя на тепло заменивать
Город. Сжался обиженный,
обида щиплет, морозит, сковывает.
Пятиэтажки, как хижинки
жмутся друг к другу, греются. Скорый поёт
поезд песню о городе,
возвращая в город человечка. Теплее...
Подарок такой новогодний
Городу,
мне ли...

На этот пульс не найти управы,
колышешь воздух. Как будто бы круто.
Смотришь так правильно... хочешь правду?
Я мечтаю тебя опутать,
перемешаться с тобой и утром
собирать тебя заживо заново.
И толкнуть на выход, и всем нутром
отпуская картинно, экраново,
возвращая тебе «не сейчас», «потом»,
не пытаюсь «за руку», «за ногу»,
забавляться собственной выдумкой
(собственно тобой),
из стучащей
мышечной
выдранной,
раненой,
нежной,
родной

Забавно звучит из женских уст
простое «тебя не трону».
Ты для меня уже выпит, пуст,
не стоит держать оборону.
Я не любитель стерильных душ.
В любви вегетарианец,
оставь нам, охотникам, страсти куш.
Напьемся, тебя не ранив,
живыми порывами. Аль не права?
Твой остров необитаем.
Когда надоест сырая трава-
звони, поболтаем.

Это не сон, повседневный облик,
отсутствие аномалий.

Это не сон, градусника столбик
и твой поцелуй нормален.

Вкус, осязание, слух, другое-
тебе отвечает эхом.

Станный какой не сон, нас двое,
неужто же ты приехал?

Души уставшие друг без друга
притихли, сидим обнявшись.
Больше не нужно ходить по кругу,
не сон. Объективно. Внятно.

...День наступил, и ночные басни
проснувшись, уносит ветер.
День наступил, мне светло и ясно,
что нам ничего не светит.

Вечера, раздумья-полночи
От рассвета берегу,
В заграничной бухте солнечной,
На песчаном берегу.

Солнце клонит красну голову,
Волны в сумерках скользят,
Я тобою не целована,
Было нам нельзя-нельзя.

И летят ночными стонами
Через море песни-сны.
Я у края закордонного,
Ты с обратной стороны.

Как по морю-морю черному,
С чуда-берега, лови,
Запусти волну крученую
Позитива и любви.

На волну мою участливо
Откликается прибой.
Ты прости меня, что счастлива.
Я прошу, что не с тобой.

Насладиться вволю не успело
днями, где от Солнышка - в тенёк,
облетает лето с веток спелых,
задержись, хотя бы на денёк.

Обещало лето счастья море,
море было, счастье - не пойму.
Я с погодой и судьбой не спорю,
листья тоже, верят потому

что размаху разбукетной кисти,
мокрой правде приасфальтовых луж.
Мой компьютер в джазе, дует «Misty»,
Хоть не патефон, но тоже дюз.

Поджидает плитка шоколада,
Кофе стынет, сумерки тихи.
Человеку в жизни много ль надо?
Осень, джаз и новые стихи.

Ахмед Абдулаев окончил обучение в Первом Дагестанском Кадетском Корпусе, участник Первого Форума молодых писателей Дагестана в 2012 г., принимал участие в работе литобъединения при Союзе писателей Дагестана, участник Всероссийского образовательного форума «Гаврида» в 2017 г., призер 13-го Всероссийского фестиваля молодых поэтов "Мцыри" в 2017 г.

Ахмед Абдулаев
г. Махачкала

Антре

Он о тебе не забывал.
Пойми, так просто получилось.
Зеленоглазый адмирал,
Он полюбил! Какая милость...

Стараясь всюду преуспеть
И всюду оставаться первым,
Он шел вперед. Презревший смерть
И никогда не знавший меры.

Но что теперь? Молчит компас,
Слащавый штиль стоит упорно.
Команда молится за нас,
Как будто мы идем на бойню.

И только в памяти его
Мелькают все родные лица.
Средь этих лиц узнать легко
Твое... Твое оно, Калипсо!

У повелителя морей
На сердце нет других изъянов.
Мы для того гребем скорей,
Чтоб залечилась эта рана.

Пускай тринадцать человек
В песках отыщут это сердце.
Что им свобода? Лишь побег
В навечно запертую дверцу.

А мы продолжим. Полный ход -
Надежда на твое прощение.
Не знаем даже, что нас ждет,
Какие впереди лишения.

Не важно ведь. Давай еще!
Плывем туда, где плохо!
И там впредь будет хорошо,
Свидетельствовать Бога.

Пейзаж

Позвольте Вас нарисовать
Лимонным облаком рассвета,
Чуть-чуть взъерошенным от ветра,
Спустившимся в цветущий сад.

А в том саду кругом малина,
Так много, что не сосчитать.
Не то, чтобы бесценный клад,
Но все равно еще любима.

Поля, окрашенные в киви.
Дороги без путей назад,
Как посвящения обряд
Во все палитры перспективы.

И тихим ручейком звучать,
Всё разукрашивая стены,
Во все известные системы,
Вместо того, чтоб их ломать.

Куретам

Всё, что было, прожито и славно.
Всё, что боль - толкает нас вперед.
Там земля, гляди, в конце тумана.
На любой земле есть тот, кто ждет.

Звезды гаснут, ветер безучастен,
Вскоре мы опять пойдем на дно.
Я не верю, что прошли напрасно,
Где никто не оставлял следов.

Капитан, кормило брось скорее,
И бревна нам хватит до земли.
Что потом, пускай решает Рея.
Мы теряем, где найти б могли.

"Капитан, останови корабль!" -
Нам былой Итаки не вернуть.
А не можешь если - то хотя бы,
Рядом будь и не мешай тонуть.

Vita Activa

Шелестеть листвою крон вчерашних,
Ворошить промокшее белье,
Гнать с потоком лодки из бумажек,
Бушевать невидимым дождем.

Биться о борта, трепать прически.
Кровлю посылатъ на все мосты.

В этой беспорядочной повозке
Явно кто-то лишний, но не ты.

Суетливо ждать движенья тени,
Шороха хоть чьей-нибудь ступни.
Стука в дверь, чтоб этого хотели,
Даже пробираясь через сны.

Быть самим собой, втираясь в рамы.
Шторой обозначить силуэт,
Что когда-то был бесценным самым.
Опустить вздохом на паркет.

Повторять всё то, что только выйдет,
Ветром разбавляя крепость слов.
Затихать, когда никто не видит.
Возвращаться с новой силой вновь.

Облако и обломки

Обволакивало облако обломки
Гордой статуи который год подряд.
Обнимало нежно, гладило головку,
С боку затмевало чей-то взгляд.

Падало и выше поднималось,
И садилось на осколки ног.
Медленно и скромно шевелилось,
Еле слышно, чтоб не слышал Бог.

Преклонялось, хоть не знало точно,
Чей великий дар в них заточен.
До земли, до самой крайней почвы,
Очень восхваляло чей-то трон.

Обволакивало облако обломки,
И лишь столп один из них стоял.
Остальные развалились стойко,
Стали чем-то влажным, как и я.

Очередной листок

Когда забудешь... Да, ты все забудешь!
По крайней мере, так решат они.
И отчий дом, как жизнь свою, разлюбишь,
Предавшись искушениям войны.

Когда померкнут все ориентиры,
И на вершине выступит редут,
Чтобы не стать мишенью в этом тире
Решись, что все о небе только лгут.

Когда затмит небесное светило
Всё то, что умещается в руке.
Не говори, что "ты уже любила",
Гадая на искусственном листке.

Когда поймешь, что равенство запрещено
И что свобода - это лишь недуг.
Что зависть, как явление - бессмертно,
Пусть даже это будет лучший друг.

Когда уступишь всем людским порокам,
Пытаясь стать великим и святым...
Не замечай, что у тебя под боком,
Но приходи ко мне - поговорим.

Екатерина Юркова. В 2012 году окончила Челябинскую Гос. Академию Культуры и Искусств по классу саксофона. В 2013 году окончила курсы по литературному мастерству. Публиковалась в коллективном поэтическом сборнике «Электрический снег», литературно-художественном альманахе «Чаша круговая», «Литературный курс». Автор книги стихов «По ту сторону смеха», «Пробуждение Венеры». Член Союза писателей России.

Екатерина Юркова
г. Челябинск

Мой ребёнок – в груди – он всегда был взрослым,
Он упрямо молчит, но я вижу, что он устал
Постоянно быть сдержанным, быть серьёзным.
Избегая боли, мой ребёнок к себе никого не впускал.
Он на ласки скупой, одинокий волчонок.
В беззащитной ярости может и укусить.
Он, не знавший тепла и любви с пелёнок,
Так отчаянно хочет учиться любить!
Вдруг взрывается плачем, ломает свои игрушки...
Бьётся с болью мне в рёбра – истошно кричит:
«Помоги открыть дверь! Забери пустоту-погремушку!
Научи быть ребёнком меня, научи!»

Не печалься, когда мой сосуд опустеет.
Мой сосуд опустеет – любовь не иссякнет.
Не терзайся тоской, что сосуд мой истлеет.
Не погаснет душа – ярче вспыхнет –

преград нет!

Беспокойство излишне и страх первобытен,
Словно капли росы солнце души вбирает.
Лишь природа мудра, мир же стар и обыден.
Всё уходит однажды, но не умирает.
Не грусти и не плачь, эти слёзы – тревога.
Разве всё, что случилось, – лишь боль и ошибки?
Не хочу, чтоб тебе стала солью дорога.
Я вложу незаметно в карманы улыбки.
Не печалься – любовь не исчезнет, не сгинет.
Разве может пропасть то, что вечности выше?
То, что выше тепла, никогда не остынет.
Я с тобой птицей утренней – слышишь?

Иду в крошечной тишине,
Как будто потеряла что-то...
Но что?.. Не помню...
Туман мешает разглядеть черты,
События и чувства.
Вдруг! Словно сотни молний у меня в груди –
Ты!
Через вечность от меня стоишь,
А люди будто тени проплывают мимо.
О, сердце, зоркости ещё не потеряло.
И вижу я – ты мне роднее жизни,
Дороже жизнью тех, что предстоит пройти.
И напряженье струн твоих милее лёгкой песни.
Я отыщу тебя по звуку. Твой звук – натянутая нить.
Не оглянись! Не поддавайся слабости Орфея!
Не прекращай звучать!
Среди теней невыносима жизнь...

Трамваи говорят на языке касаток,
Когда проходят глубокий поворот.
Везут билеты счастья и, если есть остаток,
Кондуктор их задаром раздаёт.
Трамваи подчиняются лишь рельсовым течениям.
В их плавниках гудит, клокочет жидкий ток.
Они, наполненные внутренним свеченьем,
Скрепляют стылый запад и солнечный восток.
А где-то зябнет жизнь и ждёт на остановках.
Последней мелочью урчит карман пальто.
И только с места жизнь сойдёт неловко,
Но мимо проплывёт трамвай – в депо.

Нет четвёртой дороги, нужно выбрать из трёх.
Вечный камень стоит неподвижно.
Нет тропинки такой, чтоб её приберёт,
Если с главной дорогой не вышло.
Нет печали такой, чтоб в полсилы была.
Есть печаль, что к земле прибывает
И любовь, словно боль, раскалит добела,
А затем медленно остужает.
Нет дороги такой, чтобы гладко да тишь –
Истрепалась одежда, изранены ноги.
Ты с тоской, как с сумой, вновь у камня стоишь –
У последней дороги.

Александр

Бросает взгляд вперёд, как войско на врага.
Пьёт залпом горизонт, не разбавляя.
Неутолима жажда до тех пор, пока
Он не найдёт земного края.
Но войны выдохлись, усталость велика.
Их поры дышат криками и кровью.

Последнее сражение отразит река
В краях, где ценят жизнь коровью.
Твой трон полмира, но трон не край земли.
И что же это – шутка Аполлона?
Тоска, как тень, не затоптать – она теснит внутри.
Власть бога – одиночество – ты знаешь, сын Амона.
Бросает взгляд в себя – поверженный в пыли –
Проиграно последнее сражение.
В последней вспышке сердца видит круг Земли
И непрерывность возвращенья.

Мне снится предательство.
Чувства на грани.
Камень в гортани
Тянет на дно рыданий.
Мне видится комната.
В ней силуэты,
Но в точке, где ты,
Линии в чёткость одеты.
Меж двух разрываюсь я.
Ты видишь... Ты знаешь!
Ты не осуждаешь.
Смирненно меня отпускаешь.
Иду коридорами.
Ты дальше, но глубже.
Предательских губ жест –
Моих – окрыляет и душит.
Всхлип. Сон разрушается –
Он с явью на грани.
Камень в гортани
Тянет на дно рыданий.

Ты знаешь, мы можем родиться раньше,
Для этого нет преграды.
И чтобы не думать: «Что будет дальше?»
Бесследно уйдём в пираты!
Решайся скорее, ну что нас держит
В ржавеющем, клиповом веке?
Там ветер дыханием парус нежит,
Корабль живёт в лёгком беге.
Мы станем беспечны и вновь богаты –
У нас ничего не будет!
Ну что же ты медлишь? Уйдём в пираты!
Никто тебя не осудит.
Чтоб не охранять, как сундук, ревниво,
Давай бросим за борт статус.
Нет, мы не от жизни бежим трусливо,
Мы жизнью наполним парус.
Смотри сколько звёзд, как покорно море,
И сердце не усомнится!
Ты слишком серьёзен со мною в споре,
Скептичен, неоспорим.
Зачем же нам грабить и наживаться?
Мы только возьмём свободу!..
Зеваешь?..
Тебе завтра рано вставать в пять пятнадцать,
Свой якорь тащить на работу.

Образ

Главный редактор: Дмитрий Филиппенко
Редколлегия альманаха:
Дмитрий Мурзин (Кемерово)
Юлия Сливина (Ленинск-Кузнецкий)
Анна Самойлова (Барнаул)
Амарсана Улзытуев (Улан-Удэ)
Светлана Уланова (Полысаево)
Антон Метельков (Новосибирск)
Вероника Шелленберг (Омск)
Юрий Татаренко (Новосибирск)
Компьютерная вёрстка: Дмитрий Филиппенко
Корректор: Юлия Сливина
Автор проекта: Дмитрий Филиппенко
Ответственный за распространение альманаха:
Ирина Надилова

12+

Все произведения и материалы, опубликованные в альманахе, охраняются законодательством РФ об авторских и смежных правах.

Воспроизведение публикаций альманаха в каком-либо виде без письменного согласия редакции не допускается.

При перепечатке ссылка на альманах обязательна. За достоверность фактов несут ответственность авторы опубликованных материалов.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право на литературную правку рукописей, не вступаю в переписку с авторами. Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.

Подписано в печать 15.09.2018

Формат 30х42. Печать офсетная.

Тираж 50 экз. Заказ № 47

Отпечатано в ООО «Синяя Птица»

644052, г. Омск, ул. 24-я Северная, 165

тел.: (3812) 212-412, e-mail: ofis325@mail.ru
suvenir55.ru

50 руб.00

Цена
кол.

